

трейси шевалье

последний побег

Трейси Шевалье Последний побег

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6887092

Трейси Шевалье. Последний побег: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-72188-7

Оригинал: TracyChevalier, "The Last Runaway"

Перевод:

Татьяна Юрьевна Покидаева

Аннотация

Покидая родную Англию вместе с сестрой, Хонор Брайт не представляла, насколько чужой будет для нее Америка. Солнце здесь слишком горячо, грозы – жестоки, люди – не похожи на соседей по квакерской общине. Даже любимым шитьем она не может заниматься по-прежнему – здесь принято не вышивать, а делать аппликации. Что выбрать: стать такой, как все в Огайо, или решиться на последнее бегство...

Содержание

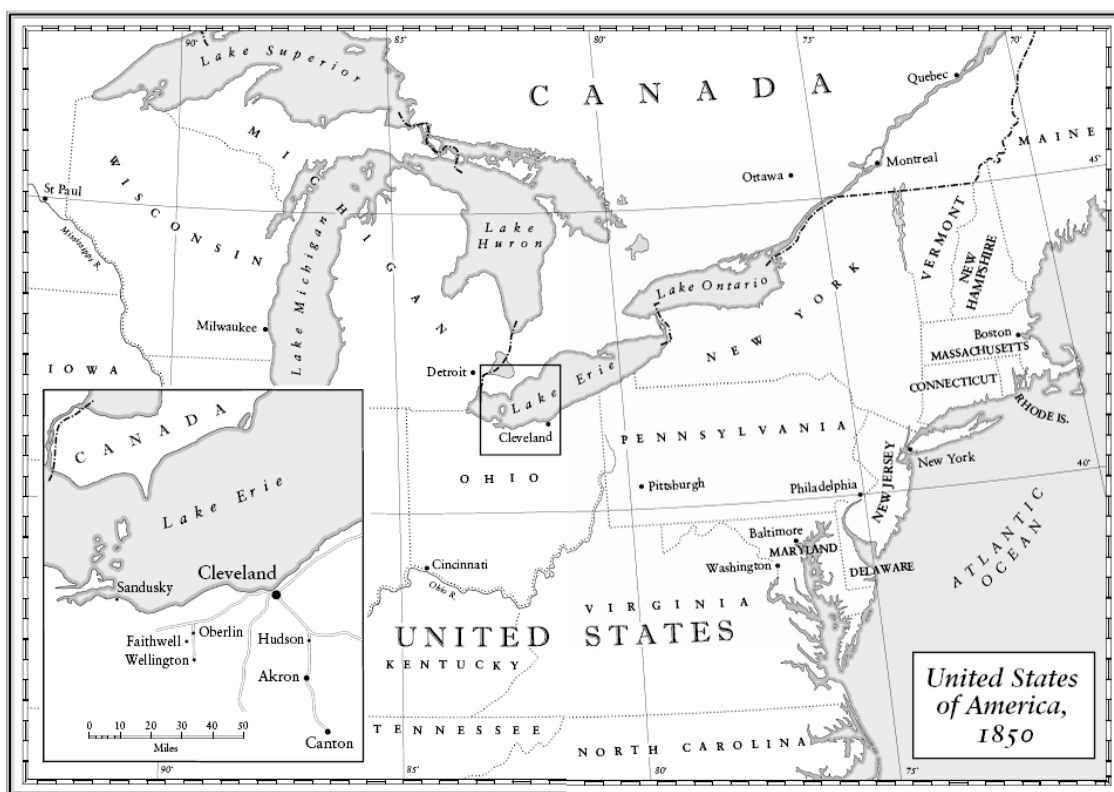
Горизонт	5
Одеяло	11
Дамские шляпки	18
Молчание	33
Аппликация	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Треysi Шевалье Последний побег

Эту книгу я посвящаю молодежному квакерскому лагерю в парке горы Катоктин и Оберлинскому колледжу: двум заведениям, сформировавшим мое юношеское «я».

Смелая, живая и трогательная книга; характеры героев тщательно прорисованы, местный колорит воссоздан в мельчайших деталях.
Джоанн Харрис

Шевалье с головой окунается в описываемую эпоху. Ее исследование как всегда скрупулезно и захватывающе.
Guardian

Горизонт

Она не сможет вернуться домой. Когда Хонор Брайт неожиданно объявила родным, что едет в Америку вместе с сестрой Грейс – когда она разбирала вещи, чтобы оставить лишь самое необходимое, раздавала свои одеяла, прощалась со всеми дядюшками и тетусками, кузенами и кузинами, племянниками и племянницами, садилась в почтовую карету, отправлявшуюся из Бридпорта, когда они с Грейс, взявшись за руки, поднимались по трапу в Бристольском порту, – Хонор тешила себя мыслью: *всегда можно вернуться*. Но в глубине души таилось смутное подозрение, что стоит ей только покинуть английскую землю, как ее жизнь изменится навсегда.

По крайней мере, мысль о возвращении не давала Хонор впадать в уныние, притупляя душевную боль, подобно тому, как щепотка сахара, тайком добавленная в кислый соус, слегка его смягчает. Мысль о возвращении помогала сохранять спокойствие и не плакать по всякому поводу, как расплакалась ее лучшая подруга Бидди, когда Хонор отдала ей одеяло, которое только-только закончила шить. Лоскутное одеяло из коричневых, желтых и кремовых ромбов, соединенных в восьмиконечную «Вифлеемскую звезду», с простежкой по краю в виде орнамента из перистых завитков, на какие Хонор была мастерица. На прощание община сделала ей подарок: подписное одеяло, в нем каждый лоскут был сшит и подписан кем-то из друзей или членов семьи, – а в дорожный сундук помещалось лишь одно одеяло. Разумеется, Хонор пришлось взять с собой подписное одеяло, хотя ее собственное было красивее и аккуратнее. «Пусть оно лучше останется у тебя, на память обо мне, – сказала она плачущей Бидди, когда та пыталась отдать ей обратно «Вифлеемскую звезду». – В Огайо я сошью еще».

Стараясь не думать о предстоящем морском путешествии, Хонор размышляла о его завершении: в дощатом доме, как ее будущий зять писал Грейс в своих письмах из Огайо. «Это хороший дом, крепкий, хотя и не каменный, как ты привыкла, – писал Адам Кокс. – Большинство домов здесь деревянные. Семья строит дом из кирпича, только когда окончательно обоснуется на одном месте и уже вряд ли куда-то уедет».

«Дом стоит на окраине городка, в конце Мейн-стрит, – продолжал он. – Фейсуэлл совсем небольшой, всего пятнадцать семей Друзей Истины. Но, Божьей милостью, городок будет расти. Брат держит лавку в Оберлине. Этот город крупнее, в трех милях от нас. Мы надеемся перевезти лавку сюда, когда Фейсуэлл разрастется и сможет поддерживать торговлю мануфактурой. Здесь ее называют полотняным товаром. Тем, кто решил поселиться в Америке, предстоит обучиться говорить на новый лад».

Хонор не представляла, как можно жить в деревянном доме, который быстро горит, легко деформируется, постоянно скрипит, стонет и в отличие от домов, сложенных из кирпича или камня, не дает ощущения прочности и защищенности.

И хотя она очень старалась ограничить свои волнения и тревоги только боязнью жить в деревянном доме, мысли ее вновь и вновь возвращались к путешествию на «Искателе приключений», корабле, на котором им с Грейс предстоит пересечь Атлантику. Как и всякая жительница Бридпорта, Хонор кое-что знала о кораблях. Иногда она сопровождала отца на пристань, когда в порт прибывал груз пеньки, и даже несколько раз поднималась на борт и наблюдала, как матросы убирают паруса, сматывают канаты и дряют палубы. Но Хонор никогда не ходила по морю на большом корабле. Однажды, когда ей было десять лет, отец повез все семейство на целый день в Эйп и затеял катание на лодке с детьми. Братья сидели на веслах и наслаждались морской прогулкой. Грейс тоже понравилось в лодке. Она визжала, смеялась и баловалась, притворяясь, будто падает в воду. А Хонор сидела, вцепившись руками в борта и обмирая от страха. Ее пугала не только качка, но и малоприятное ощущение

ние отсутствия твердой земли под ногами. Она смотрела на берег, где мама в темном платье и белом чепце беспокойно расхаживала взад-вперед и ждала возвращения своих детей. С тех пор Хонор старательно избегала прогулок на лодке.

* * *

Хонор слышала истории о трудностях трансатлантических переходов, но надеялась, что справится с этой напастью так же, как привыкла справляться с любыми тяготами и невзгодами, а именно: призвав на помощь терпение, кротость и выдержку. Однако против морской болезни не помогли ни смирение, ни твердость духа. Вероятно, ей бы следовало догадаться, что на море ее укачает – уже после первого знакомства с большой водой в день семейной поездки в Эйп. Когда корабль отошел от причала в Бристоле и взял курс в открытое море, Хонор стояла на палубе вместе с Грейс и другими пассажирами, наблюдавшими, как удаляется берег. Для них морская качка была не более чем забавным переживанием с острым привкусом новизны, а Хонор сразу почувствовала дурноту. С каждой минутой ей становилось все хуже и хуже. Движение корабля отзывалось в ней болезненным напряжением во всем теле и тяжестью в животе, словно она проглотила железную фунтовую гирию. Она держалась, сколько могла, но, когда «Искатель приключений» проходил мимо острова Ланди, желудок Хонор вывернуло наизнанку, и ее стошнило прямо на палубу. Проходивший мимо матрос рассмеялся:

– Ты гляди, барышне уже дурно, а ведь даже не вышли из Бристольского залива! Вы погодите, сейчас доберемся до океана. Вот тогда будет по-настоящему дурно!

Хонор тошнило всегда и везде. Выворачивало на плечо Грейс, на ее собственную постель, на пол их крошечной двухместной каюты, в эмалевый тазик для умывания. Рвало постоянно, даже когда тошнить было нечем – ее тело, словно некий кудесник, ухитрилось создавать что-то из ничего. После приступов рвоты Хонор не становилось легче. Когда они вышли в открытый океан и корабль взял курс на Америку, Хонор сделалось еще хуже. Только теперь и сестра тоже свалилась с морской болезнью, и многие другие пассажиры. Однако, как только они привыкли к новому ритму волн, их недомогание сразу прошло. А Хонор так и не смогла привыкнуть; тошнота не отпускала ее целый месяц, на протяжении всего путешествия.

Когда Грейс не болела сама, она ухаживала за Хонор, стирала ей простыни, опорожняла тазик, приносила бульон и твердые «корабельные» галеты, читала Библию или книги, которые они купили в дорогу: «Мэнсфилд-парк», «Лавка древностей», «Мартин Чеслуит». Пытаясь отвлечь сестру от сиюминутных невзгод, Грейс заводила разговоры об Америке и о том, что их ждет впереди.

– Ты кого хотела бы увидеть, волка или медведя? – спрашивала она и тут же сама отвечала на свой вопрос: – Медведя, наверное. Волки – как большие собаки, а медведь ни на кого не похож, только на самого себя. А на чем ты хотела бы ехать дальше: на пароходе или на поезде?

Хонор застонала при мысли о пароходе.

– Да, на поезде, – кивнула Грейс. – Хорошо, если бы там был прямой поезд из Нью-Йорка в Огайо. Мы бы за сутки добрались. Хонор, только представь: уже совсем скоро мы будем в Нью-Йорке!

Хонор поморщилась, очень жалея о том, что не может, подобно сестре, рассматривать эту поездку как волнующее приключение. Грейс с детства была непоседой и всегда вызывалась сопровождать отца, когда тому надо было поехать в Бристоль, Портсмут или Лондон. Она даже с готовностью согласилась выйти замуж на скучного человека, намного старше ее, поскольку замужество обещало ей жизнь на другом конце света, вдали от Бридпорта.

Грейс знала Коксов, семью из пяти братьев, уже несколько лет. С тех пор, как они переехали в Бридпорт из Эксетера и открыли магазин тканей. Однако она начала проявлять интерес к Адаму, когда тот собрался эмигрировать в Огайо. Один из братьев уже обосновался в Америке, но стал слаб здоровьем, и его жена написала в Англию и попросила кого-то из братьев приехать и помочь с содержанием магазина. Когда Адам уехал, у них с Грейс завязалась регулярная переписка, и постепенно, посредством тонких намеков, сестра подвела его к мысли, чтобы он сделал ей предложение и забрал к себе в Огайо, где они будут держать магазин вместе с Мэтью и Абигейл.

Выбор Грейс удивил семью Брайтов; Хонор всегда думала, что сестра выйдет замуж за кого-нибудь более жизнерадостного. Но Грейс так мечтала об Америке, что ее, кажется, не смущал даже угрюмый нрав будущего супруга.

Сестра всегда отличалась терпением, а теперь, вероятно, еще и мучилась чувством вины за то, что подвергла Хонор столь тяжелому испытанию, но даже ее начало раздражать постоянное недомогание Хонор. По прошествии нескольких дней она прекратила попытки заставить сестру хоть что-нибудь съесть, поскольку та все равно не могла удержать в себе пищу дольше пяти минут. Грейс все чаще оставляла Хонор в каюте одну, а сама выходила на палубу, где подолгу сидела с другими женщинами за шитьем и беседой.

Хонор попыталась пойти вместе с Грейс на молитвенное собрание, организованное другими Друзьями Истины, плывшими на том же корабле, но, сидя в молчании и честно стараясь освободить разум от суетных мыслей, поняла, что не может предаться смиренному ожиданию озарения. Боится потерять контроль над собой из опасения, как бы ее не стошнило прямо на глазах у собравшихся. Вскоре Хонор опять укачало, и ей пришлось спешно покинуть каюту.

Иной раз, свернувшись калачиком на смятой постели или согнувшись над ночным горшком в очередном приступе рвоты, она думала о маме, стоявшей в белом чепце на галечном пляже Эйпа, и задавалась вопросом: зачем ей было покидать родительский дом?

Хонор не знала зачем, но понимала почему. Грейс пригласила ее ехать с ней в надежде, что новая жизнь уймёт душевную боль сестры. Хонор бросил жених, и хотя у нее никогда не было склонности к приключениям, она приняла приглашение Грейс, лишь бы не оставаться в общине, где все ее жалели. Ей всегда нравилось в Бридпорте, но, когда Сэмюэл расторг их помолвку, в Хонор проснулось желание уехать.

Все ее платья пропахли кислым мясным духом, не убиваемым никакой стиркой. Хонор избегала пассажиров, включая и собственную сестру: ей было невыносимо смотреть на их лица, на которых жалость смешивалась с отвращением. Она нашла тихое, уединенное место между двумя бочками на палубе с подветренной стороны, где можно было укрыться и от занятых делом матросов, и от любопытствующих пассажиров, и все же достаточно близко к перилам, чтобы добежать, перегнуться и вытошнить за борт, не привлекая внимания. Хонор сидела на палубе даже в холод и дождь, предпочитая соленый воздух тесной каюте с жесткой койкой и провонявшей постелью. При этом она оставалась равнодушной к морскому пейзажу – огромному небу над головой и безбрежным морским просторам, которые так разительно отличались от аккуратных зеленых холмов Дорсета. Пока пассажиры дивились на грозовые тучи и радуги, на лучи солнца, превращавшие воду в расплавленное серебро, на стаи дельфинов, на плеснувший вдали хвост кита, Хонор мучилась дурнотой, и у нее просто не было сил изумляться чудесам и красотам Божьего мира.

Чтобы хоть как-то отвлечься, Хонор пыталась заняться шитьем. Перед отъездом мама сделала ей подарок: несколько сотен желтых и кремовых тканевых шестиугольников и целую пачку бумажных шаблонов для розеток «бабушкин сад». Хонор надеялась, что успеет сшить целое одеяло до конца путешествия, но из-за качки ей никак не удавалось поймать правильный ритм для аккуратных, крошечных стежков, которыми она славилась среди дру-

гих мастериц. Даже самая простая работа – прикрепить тканевые заготовки к шаблонам приметочным швом, какую Хонор освоила еще в детстве, – требовала сосредоточенности, недостижимой при морской качке. Вскоре сделалось ясно, что если она продолжит работу, то буквально каждый кусочек ткани будет навеки испорчен пятнами рвоты или мыслями о подступающих приступах тошноты, что, по сути, одно и то же. Промучившись с розетками несколько дней, Хонор выбрала время, когда поблизости никого не было, и выбросила тканевые шестиугольники за борт – при одном только взгляде на них ее сразу же начинало тошнить. Она знала, что поступает неправильно, небрежно растрачивая ценную ткань. Надо было отдать эти шестиугольники Грейс или кому-то из женщин на корабле, но Хонор стыдилась запаха рвоты, пропитавшего ткань, как и своей слабости. Глядя на то, как кусочки материи падают в воду и исчезают, она почувствовала, как ее измученный желудок на миг успокоился.

– Нужно смотреть на горизонт, – посоветовал один из матросов, наблюдавший за ее судорожными рвотными позывами. – Встань на носу и гляди прямо вперед. На воду – не надо. Смотри на то, что не движется. И тогда перестанет укачивать.

Хонор кивнула, хотя знала, что это не поможет. Она уже пробовала. Она испробовала все, что предлагали: имбирь, бутылка с горячей водой, приложенная к ногам, мешочек со льдом, приложенный к шее. Хонор искоса поглядывала на матроса. Никогда в жизни она не видела чернокожего человека так близко. В Бридпорте не было чернокожих, и только однажды, будучи в Бристоле, она заметила на проезжающей мимо карете чернокожего кучера, но не успела рассмотреть его. Сейчас она разглядывала кожу матроса. Кожа была цвета плодов каштана, но не гладкая и блестящая, а шелушащаяся и обветренная. Хонор подумала о спелом яблоке, приобретшем насыщенный красный цвет, в то время как его соседи все еще оставались бледно-зелеными. У матроса был непонятный акцент.

Тот тоже поглядывал на Хонор с плохо скрываемым любопытством. Возможно, ему нечасто встречались квакеры, или он просто пытался понять, как выглядит Хонор, когда ее лицо не обезображено истощением. Хонор была миловидной девушкой: чистая кожа, гладкий высокий лоб, черные брови вразлет и большие серые глаза. Но теперь ее лицо осунулось и посерело, утратив спокойную, неброскую красоту.

– Небо такое большое, и меня это пугает, – неожиданно для себя произнесла она.

– Пора уже привыкнуть. Там, куда ты направляешься, все большое. А ты зачем едешь в Америку? Хочешь найти себе мужа? Англичане тебе недостаточно хороши?

«Да, – подумала Хонор. – Они недостаточно хороши».

– Я сопровождаю сестру, – ответила она. – Она выходит замуж за одного человека из Огайо.

– Огайо! – презрительно фыркнул матрос. – Держись побережья, красавица. Я тебе так скажу: туда, где не чуешь запаха моря, ехать незачем. Застрянешь в ихних лесах и не выберешься. Ну, вот опять...

Хонор вновь перегнулась через перила, и матрос ушел.

Капитан «Искателя приключений» сообщил, что вверенное ему судно еще никогда не пересекало Атлантику так быстро и гладко, как на сей раз. Узнав об этом, Хонор расстроилась еще сильнее. Пошатываясь, она сошла с трапа в нью-йоркском порту, тощая, как скелет, с чувством, что за прошедший месяц извергла наружу все свое нутро, так что осталась лишь оболочка. Ступив на твердую землю, Хонор с ужасом поняла, что земля тоже качается под ногами – как палуба корабля, и ее стошнило в последний раз.

И вот тогда она и поняла, что, если Господь в своей милости даровал ей самое гладкое и тихое плавание, которое только могло быть, и оно обернулось таким мучением, ей уже никогда не вернуться обратно в Англию. Грейс опустилась на колени прямо на пристани и вознесла благодарственную молитву за то, что они с сестрой благополучно достигли Америки,

а Хонор стояла, глотая слезы. Она плакала по Англии и по своей прежней жизни. Теперь между ней и домом лежал неодолимый океан. Она не сможет вернуться домой. Никогда.

* * *

*Гостиница «Особняк»,
Гудзон, Огайо,
26 мая 1850 года*

Дорогие мои мама и папа, Уильям и Джордж!

С болью и тяжестью в сердце сообщаю вам скорбную весть о безвременной кончине нашей нежно любимой Грейс. Господь забрал ее к Себе такой юной, и когда она была уже так близка к своей цели, к новой жизни на американской земле.

Я пишу из гостиницы в городе Гудзоне, Огайо, где завершился земной путь Грейс. Доктор сказал, это была желтая лихорадка – недуг, очевидно, более распространенный в Америке, нежели в Англии. Я могу лишь принять на веру его диагноз, поскольку сама незнакома с симптомами данной болезни. Но, став свидетельницей мучений, сопровождавших упоение сестры, замечу: Дорсет поистине благословен, что избавлен от этой напасти.

Я уже писала о нашем плавании до Нью-Йорка. Надеюсь, вы получили все мои письма, отправленные из Нью-Йорка и Филадельфии. У меня нет уверенности в здешней почте, и я беспокоюсь, доходят ли письма. По прибытии в Нью-Йорк мы изменили наши первоначальные планы и решили поехать в почтовой карете – до Филадельфии и через всю Пенсильванию до Огайо, – вместо того чтобы плыть на пароходе. Хотя многие мне говорили, что речные суда весьма отличаются от морских, я все равно не смогла бы заставить себя вновь совершить путешествие по воде. И теперь я боюсь, что Грейс погубили моя нерешительность и слабость духа: если бы мы поехали на пароходе, она бы, возможно, не заразилась желтой лихорадкой. Мне придется жить с грузом этой вины, надеясь на ваше прощение и Божью милость.

Не считая легкого приступа дурноты, Грейс хорошо перенесла путешествие по морю. Также она была в добром здравии и в Филадельфии, где мы останавливались на неделю у местных Друзей, чтобы прийти в себя после месяца в море. Там же мы посетили собрание в молитвенном доме на Арк-стрит. Я даже не представляла, что собрания бывают такими большими: около пяти сотен Друзей, в зале раз в двадцать просторнее, чем наш зал собраний в Бридпорте. Мне радостно думать, что Грейс удалось посетить это собрание и пережить столь волнующий опыт.

В Пенсильвании существует немало общин Друзей, где можно остановиться по дороге из Филадельфии в Огайо. И в больших городах вроде Гаррисберга или Питсбурга, и в маленьких поселениях – нас повсюду встречали тепло и радушно, даже когда у Грейс возникли первые признаки лихорадки, через два дня после отъезда из Гаррисберга. Поначалу болезнь проявляет себя жаром, ознобом и тошнотой, подобные симптомы сопровождают практически всякий недуг. Так что в самом начале у нас не

было особенных поводов для беспокойства, не считая неудобств, которые Грейс испытывала в почтовых каретах, везших нас по Пенсильвании.

Мы задержались на несколько дней в Питсбурге, где Грейс вроде бы сделалось лучше, и она настояла на том, чтобы продолжить путь. Теперь я корю себя, что поддалась на ее уговоры и не послушалась голоса своего сердца. А оно подсказывало: Грейс надо как следует отлежаться. Но нам обоим не терпелось скорее добраться до Фейсуэлла. К несчастью, уже через день болезнь вновь проявила себя, но на сей раз – черной рвотой и желтушным оттенком кожи. Как я теперь знаю, это были определенно симптомы желтой лихорадки. С невероятным трудом мне удалось уговорить возничих не высаживать нас в чистом поле, а все-таки довезти до Гудзона. К сожалению, мне пришлось даже повысить голос и накричать на них, хотя у Друзей так не принято. Остальные пассажиры, боясь заразиться, не позволили нам остаться в карете, и возничий определил нас на крышу, где стоял багаж. Это было опасно, карета тряслась и кренилась на поворотах, но я всю дорогу крепко держала Грейс, прижимая к себе и не давая свалиться вниз.

В Гудзоне она продержалась всего одну ночь, а утром Господь призвал ее к себе. Она бредила, но уже в самом конце мысли ее прояснились, и Грейс смогла передать вам слова любви. Я хотела забрать ее в Фейсуэлл, чтобы предать тело земле среди Друзей, но ее спешно похоронили в Гудзоне сегодня, поскольку опасались, что инфекция может распространиться.

Я решила продолжить путь, тем более что от Гудзона до Фейсуэлла всего сорок миль. Это уже не расстояние после пяти сотен миль от Нью-Йорка и тысяч и тысяч миль по океану. Меня огорчает, что Грейс находилась так близко от своего нового дома, но ей уже не суждено оказаться там. Неизвестно, что я буду делать, когда приеду в Фейсуэлл. Адам Кокс пока ничего не знает.

*Грейс много страдала, но стойко терпела все муки, и теперь она на Небесах. Когда-нибудь мы снова встретимся с ней, и это дает утешение. Ваша любящая дочь и сестра,
Хонор Брайт*

Одеяло

Хонор никак не могла привыкнуть к тому, что теперь ее жизнь стала зависеть от совершенно незнакомых людей, которые давали ей кров и пищу, перевозили с места на место и даже взялись хоронить умершую сестру. В Англии Хонор путешествовала немного: не считая коротких поездок в соседние деревни, она бывала лишь в Эксетере, на ежегодном собрании Друзей, и один раз – в Бристоле, где у отца были дела. Она давно знала всех, с кем общалась, и теперь удивлялась, что знакомиться нужно со всеми и рассказывать о себе. Хонор не любила много говорить, предпочитая молчание, потому что в молчании хорошо думать и наблюдать за тем, что происходит вокруг. Грейс же, напротив, всегда была бойкой и оживленной и часто говорила и за сестру, чтобы той не приходилось говорить самой. Теперь, когда Грейс не стало, Хонор пришлось разговаривать больше – вновь и вновь пересказывать свои обстоятельства незнакомцам, на милость которых она отдалась с той минуты, когда возникший почтовой кареты высадил сестер Брайт у гостиницы в Гудзоне.

Когда тело Грейс предали земле, Хонор осталась в растерянности, не зная, что предпринять: написать Адаму Коксу и дожидаться, когда он придет за ней, или же ехать в Фейсуэлл самой? Но как это устроить? Однако вскоре она обнаружила, что американцы практичные и предприимчивые люди. Как оказалось, хозяин гостиницы уже договорился с одним человеком по имени Томас, который приехал в Гудзон по делам, а сам жил в Веллингтоне, что в семи милях к югу от Фейсуэлла. Томас, пожилой и степенный, предложил Хонор взять ее с собой на обратном пути. В Веллингтоне она сможет найти кого-нибудь, кто довезет ее до дома Адама Кокса, или же написать ему, чтобы он приехал за ней.

– Только выехать надо пораньше, – предупредил Томас. – Хочу добраться до дома за один день.

Они покинули гостиницу еще затемно. Хонор села на козлах вместе с Томасом, а ее дорожный сундук поставили в повозку. Сундук был тяжелым: Хонор переложила туда всю одежду Грейс, а сестринский сундук оставила в гостинице, чтобы не слишком нагружать повозку. Пришлось оставить и праздничное одеяло, которое она сшила сестре на свадьбу: полностью белое, с простежкой в виде медальона из роз и геометрическим узором по краю. Всю простежку Хонор делала сама и осталась довольна своей работой. Однако хозяин гостиницы настоял, чтобы они использовали свое собственное постельное белье, а потом, когда все закончилось, доктор велел сжечь одеяло и всю одежду, которая была на Грейс, чтобы избежать распространения заразы.

Собирая одежду для сожжения, Хонор пренебрегла докторскими предписаниями: она взяла ножницы и вырезала лоскут из коричневого платья сестры. Когда-нибудь она использует эту ткань для одеяла. И если в материи будет зараза, которая ее убьет, значит, на то Божья воля.

Хотя Хонор не плакала, когда сестра отошла в лучший мир – под конец Грейс пребывала в таком состоянии, что Хонор молилась о том, чтобы Господь скорее избавил ее от страданий, – но, отдав на сожжение одежду и одеяло, убежала к себе и разрыдалась.

Похоже, Томас тоже был молчуном, он не задавал вопросов, и впервые с тех пор, как Хонор оказалась в Америке, у нее появилась возможность осмотреться вокруг, не отвлекаясь на любопытных попутчиков и на волнения за сестру. Они выехали затемно, но вскоре солнце взойшло над лесом, омыв его мягким светом. С рассветом проснулись птицы, и все наполнилось их неистовым щебетом. Большинство птичьих трелей были Хонор незнакомы. Ее поразило их разноцветное оперение, особенно – красная птица с черной, увенчанной хохолком головой и синяя птица с черно-белыми полосами на крыльях. Их пронзительные, хриплые крики распугали других птиц, поменьше и раскрашенных не столь ярко. Хонор было любо-

пытно, как называются эти птицы, но спрашивать она не стала, не желая нарушать уютную тишину. Ее спутник сидел так тихо, что можно было бы подумать, будто он спит, если бы через каждые две-три мили Томас не притоптывал ногой и не встряхивал поводья, словно напоминая серой кобыле, везущей повозку, что он здесь. Лошадь шла медленно, но ровно.

* * *

Они ехали по узкой дороге. Такие дороги еще не встречались Хонор. По Нью-Джерси и Пенсильвании Хонор с Грейс путешествовали в почтовых каретах, по широким проезжим трактам, тянувшимся через множество деревень и городов, а также дорожных станций и постоянных дворов, где можно было сменить лошадей и получить еду и ночлег. А эта дорога больше напоминала утопанную тропинку в густой чаще леса. Изредка среди деревьев мелькал одиноко стоящий хутор, и через несколько миль бесконечного леса без единого признака человеческого присутствия Хонор начала задаваться вопросом: для чего нужна эта дорога? Дома, в Англии, все дороги вели откуда-то и куда-то. А эта будто вообще никуда не вела. Пункт прибытия находился так далеко, что его словно и не было вовсе.

«Не надо сравнивать Дорсет с Огайо», – строго сказала она себе.

Изредка они проезжали мимо деревянных домов, стоящих у самой дороги, и Хонор ловила себя на том, что каждый раз замирает и сдерживает дыхание, когда вокруг них снова смыкается лес. Сами по себе дома ничего собой не представляли: простые бревенчатые хижины, многие – в окружении пней. Иногда во дворах были люди. Парнишка рубил дрова, женщина вывешивала на проветривание лоскутное одеяло, где-то девочка копалась на овощных грядках. Проезжая мимо, Томас вскидывал руку, но люди просто таращились на него, не отвечая на приветствие. Впрочем, Томаса это, кажется, не огорчало.

Дорога спустилась к мосту через реку.

– Кайахога, – пробормотал Томас. – Индейское название.

Хонор не слышала, что он говорит, и не смотрела на реку. Она глядела вверх, на деревянные перекрытия над головой, потому что у деревянного моста была крыша. Томас заметил ее замешательство.

– Крытый мост, – произнес он. – Неужели раньше не видела?

Хонор покачала головой.

– Защищает от снега. И чтобы мост не промерз.

Хонор с детства привыкла к другим мостам: каменным и горбатым. А этот мост был прямым и деревянным. Она даже не представляла, что такие фундаментальные сооружения, как мосты, здесь, в Новом Свете, будут совсем иными.

Они ехали уже не один час. Наконец Томас остановил повозку, чтобы напоить лошадь и дать ей овса. Сам Томас и Хонор перекусили холодной кукурузной кашей, которую жители штата Огайо обычно едят на завтрак. После трапезы он уединился в густых зарослях у дороги. Пока его не было, Хонор стояла рядом с повозкой и рассматривала деревья на противоположной стороне дороги. Деревья были ей незнакомы. Даже дубы и каштаны, которые она знала по Англии, здесь казались какими-то не такими. Дубовые листья были более заостренными и не такими волнистыми, а листья каштана росли отдельно, а не веерами. Подлесок тоже казался чужим. Он был слишком густым и нетронуто-первобытным, словно предназначенным для того, чтобы не допустить в лес человека.

Вернувшись к повозке, Томас указал взглядом на заросли у дороги:

– Тебе бы тоже сходить по нужде.

– Я... – Хонор уже собралась возразить, но в его голосе уловила что-то такое, что заставило ее послушаться, как она послушалась бы родного деда. К тому же ей было стыдно при-

знать, что лес Огайо пугает ее. Когда-нибудь она, наверное, привыкнет. Но сейчас ей было по-настоящему страшно.

Хонор сошла с дороги и углубилась в густые заросли, осторожно ступая по палым листьям, замшелым камням и упавшим веткам. В лесу витал влажный, землистый запах папоротников и перегноя. Среди деревьев что-то шуршало, и Хонор старательно уговаривала себя, что это, скорее всего, мыши, или белки, или эти похожие на белок зверьки с пушистыми хвостами и черно-белыми полосками на спинках, которые, как она недавно узнала, называются бурундуками. Ей говорили, что в местных лесах водятся волки, пумы, дикобразы, скунсы, опоссумы, еноты и другие звери, которых нет в Англии. Большинство этих животных она не смогла бы узнать с виду – и поэтому они представлялись еще страшнее, чем были на самом деле. И наверняка тут водились змеи. Хонор оставалось только надеяться, что утром на этом участке леса их нет.

Отойдя от дороги на тридцать шагов, она сделала глубокий вдох и заставила себя повернуться лицом к повозке, а спиной – к лесу, где среди бесконечных деревьев, возможно, прятались страшные хищные звери. Найдя место, где Томас не увидит ее с дороги, она подняла юбки и присела на корточки.

Шелестели листья под ветром, и пели птицы. Хонор слышала, как Томас приподнял сиденье на козлах, под которым, наверное, был оборудован ящик для всяких вещей. Она слышала его тихий голос – он разговаривал с лошадью, убеждая ее, что поблизости нет ни пум, ни волков. (Ах, если бы кто-нибудь убедил в этом Хонор!) Лошадь отвечала приглушенным ржанием.

Хонор поднялась и оправила юбки. Она так и не смогла облегчиться: в лесу, в отсутствие привычного уединения у нее внутри все напряглось. Хонор огляделась по сторонам. «Я теперь так далеко от дома, – подумала она. – И совершенно одна». Она поежилась и скорее побежала обратно к повозке – единственному островку безопасности.

Они с Томасом уселись на козлах, старик дважды притопнул ногой, и лошадь медленно тронулась с места. Завтрак, похоже, взбодрил Томаса. Он по-прежнему не заводил разговоров, но начал мурлыкать какую-то мелодию, нечто похожее на псалом. Вскоре тихий напев старика, скрип повозки, дребезжание конской сбруи, шум ветра и птичьи трели вкупе с мельканием древесных стволов и видом дороги, бесконечно тянущейся впереди, убаюкали Хонор. Она не заснула, но впала в спокойное созерцательное состояние, знакомое ей по собраниям. Будто у них с Томасом проходило маленькое – на двоих – собрание, прямо на козлах повозки. Хотя Друзья на собраниях обычно не напевают псалмы. Хонор закрыла глаза и позволила своему телу тихонько раскачиваться в ритме движения повозки. Успокоившись, она погрузилась в себя и стала ждать озарения внутренним светом.

На молитвенных собраниях не всегда удается сосредоточиться. Очень многое отвлекает. Порой ее мысли продолжают вертеться вокруг мирских повседневных дел, или у нее сводит ногу, или она вспоминает, что забыла выполнить какое-то мамино поручение, или вдруг замечает пятно на белом капоре соседки. Утихомирить свой разум – непростая задача, она требует внутренней дисциплины. Хонор почти всегда удавалось обрести некое подобие покоя, но гораздо труднее бывало достичь истинной глубины внутреннего света, этого дивного ощущения, что Господь пребывает с тобой. Разумеется, Хонор никак не могла ожидать, что озарение наступит посреди дремучего леса в Огайо, да еще в компании старика, который мурлычет псалмы.

Но теперь, сидя на козлах повозки, увозящей ее на запад, Хонор начала ощущать чье-то присутствие. Словно она не одна. Да, конечно, с ней Томас, но было и что-то еще. Что-то большее: воздух словно звенел, а в душе Хонор поселилась уверенность, что некая высшая сила сопровождает ее на пути в глубь Огайо. Она никогда не переживала подобный опыт

столь явственно и ощутимо и впервые в жизни почувствовала внутренний призыв заговорить, хотя раньше никогда не высказывалась на собраниях.

Хонор уже открыла рот, как вдруг услышала странный звук. Далеко позади раздавался какой-то шум. Но уже в следующий момент стало понятно, что это топот лошадиных копыт, и лошадь мчится во весь опор.

– Кто-то догоняет нас, – произнесла она. Это были первые слова, сказанные ей Томасу за весь день. И Хонор собиралась сказать иное.

Томас обернулся и прислушался. Когда он услышал топот копыт, его глаза, прежде не выражавшие ничего, вдруг сделались напряженными, обнаружив некий сокрытый смысл, который Хонор не смогла разгадать. Томас посмотрел на нее, словно хотел сообщить ей о чем-то без слов.

Хонор отвела взгляд и тоже обернулась назад. Вдалеке на дороге маячила темная точка. Томас трижды притопнул ногой.

– Расскажи мне о своей сестре, – попросил он.

– Что?

– Расскажи о своей сестре... которая умерла. Как ее звали?

Хонор нахмурилась. Ей совсем не хотелось говорить о сестре, когда к ним приближался неизвестно кто, и атмосфера в повозке сделалась напряженной. Но Томас не беспокоил ее расспросами всю дорогу, за что она была ему благодарна.

– Грейс, – ответила Хонор. – Она была старше меня на два года.

– Она должна была выйти замуж за кого-то из Фейсуэлла?

Звук приближался, и его уже можно было различить: одна лошадь, идет галопом, одна подкова толще, чем остальные, что создает характерный неровный топот.

– Он... он англичанин. Адам Кокс. Из нашей деревни. Переехал в Огайо, чтобы помочь брату в лавке. В Оберлине.

– А что за лавка?

– Мануфактурная.

Томас покачал головой. Хонор вспомнила, о чем писал Адам.

– Полотняных товаров.

Он оживился:

– Полотняная лавка Коксов? Я знаю ее. На Мейн-стрит, к югу от колледжа. Один из них что-то совсем занемог. – Он опять трижды притопнул ногой.

Хонор вновь оглянулась. Теперь уже всадника было видно: мужчина на гнедом коне.

– Ну а ты почему с ней поехала?

– Я... – Хонор не хотелось рассказывать незнакомому человеку о Сэмюэле.

– И что ты теперь будешь делать, оставшись одна, без сестры?

– Не знаю.

Вопросы Томаса были прямыми и колкими, а последний вошел в ее сердце, точно игла, прокалывающая чирей. Нарыв вскрылся, и Хонор расплакалась.

– Прошу прощения, мисс, – прошептал Томас. – Вероятно, эти слезы нам очень помогут.

Всадник уже догнал их. Он придержал коня рядом с повозкой, и Томас натянул поводья, останавливая свою серую лошадку. Гнедой жеребец поприветствовал ее тихим ржанием, но та стояла с безучастным видом, не проявляя интереса к ее новому спутнику.

Хонор вытерла слезы, быстро взглянула на всадника, а потом сложила руки на коленях и опустила голову. Мужчина был очень высоким, с обветренной, дочерна загорелой кожей, какая бывает у тех, кто много времени проводит на свежем воздухе. Мужественное лицо, светло-карие глаза. Его можно было бы назвать красивым, если бы в выражении его лица наблюдалась хоть толика теплоты, но его взгляд был настолько безжизненным и равнодуш-

ным, что Хонор невольно поежилась. Она вдруг осознала, что они с Томасом совершенно одни на этой пустынной дороге. И она сомневалась, что у старого Томаса был револьвер – как тот, что висел на поясе у незнакомца, нагнавшего их в лесной чаще.

– День добрый, Донован, – обратился Томас к всаднику.

Тот улыбнулся, но улыбка никак не смягчила его лицо.

– Старина Томас и девушка-квакерша, как я вижу? – Он протянул руку и приподнял оборку капора Хонор. Она резко дернула головой, отстраняясь, и он рассмеялся. – Просто хотел убедиться. А то с квакеров, знаешь ли, станется обрядить негритоску в свои квакерские наряды. Но я давно раскусил этот трюк.

Донован снял свою старую помятую шляпу и кивнул Хонор, которая смотрела на него во все глаза, озадаченная его словами.

– Перед квакером не обязательно снимать шляпу, – произнес Томас. – Они не верят в такие условности.

Мужчина усмехнулся:

– Я не могу забывать о хороших манерах лишь потому, что у девушки-квакерши есть свои взгляды на данный вопрос. Мисс, вы же не возражаете против того, что я сниму перед вами шляпу?

Хонор опустила голову.

– Видишь? Она не возражает. – Донован выпрямился в седле. Его белая рубашка под коричневой безрукавкой была в разводах от пота.

– Мы тебе можем чем-нибудь помочь? – спросил Томас. – Если нет, то тогда мы, пожалуй, поедем. А то путь неблизкий, а время идет.

– Торопитесь, значит? А куда, кстати?

– Да вот везу юную барышню в Веллингтон. – Она приехала к нам из Англии, но потеряла сестру. Та скончалась в Гудзоне. Желтая лихорадка. Видишь, девушка плачет. У нее траур.

– Так вы из Англии?

Хонор кивнула.

– Скажите что-нибудь. Обожаю английский акцент.

Она замялась, и Донован стал настаивать:

– Ну, давайте, скажите что-нибудь. Или вы слишком горды, чтобы со мной говорить? Скажите: «Как поживаешь, Донован?»

Опасаясь, как бы его настойчивость не обернулась гневом, Хонор посмотрела ему в лицо и промолвила:

– Как поживаешь, мистер Донован?

Тот усмехнулся:

– Как я поживаю? Хорошо поживаю, спасибо. Меня сто лет никто не называл мистером Донованом. Вы, квакеры, такие смешные. А вас как зовут, барышня?

– Хонор Брайт.

– И ты оправдываешь свое имя, Хонор?¹

– Имей совесть! Девушка только что похоронила сестру, – вмешался Томас.

– Что там? – Донован резко переменил тон, указав на дорожный сундук Хонор, стоявший в повозке.

– Вещи мисс Брайт.

– Придется туда заглянуть. Размер подходящий, чтобы спрятать какого-нибудь черномазого.

Томас нахмурился:

¹ От англ. *Honour* – честная, благородная. – Здесь и далее примеч. пер.

– Не подобает мужчине рыться в вещах юной барышни. Мисс Брайт сама скажет, что там внутри. Ты же знаешь, что квакеры никогда не лгут.

Донован выжидающе уставился на Хонор. Та озадаченно покачала головой. Она до сих пор не пришла в себя после того, как Донован прикоснулся к ее чепцу. А потом Донован стремительно спрыгнул с седла и оказался в повозке. У Хонор от страха свело живот. Этот мужчина был гораздо крупнее, проворнее и сильнее их с Томасом. И когда Донован обнаружил, что сундук заперт, именно страх заставил ее отдать ему ключ, который она носила на шее на тонкой зеленой ленточке и не снимала на протяжении всего путешествия.

Донован отпер сундук и достал одеяло, которое Хонор привезла с собой в Америку. Она думала, что он отложит одеяло в сторону, но он развернул его и расстелил на полу повозки.

– Это что? – спросил он, прищурившись. – В жизни не видел надписей на одеяле.

– Это подписное одеяло, – объяснила Хонор. – Друзья и члены семьи вышивают свои подписи на лоскутах, а потом из них шьют одеяло. Прощальный подарок. На мой отъезд в Америку.

Каждый квадратик состоял из коричневых, зеленых и кремовых ромбов и треугольников, а посередине был пришит белый кусочек ткани с именем того, кто делал именно данный квадрат. Это одеяло начинали делать для Грейс, но, когда Хонор в последнюю минуту решила, что тоже поедет в Америку, квадратики с именами переставили так, чтобы имя Хонор оказалось в центральном квадрате, а в ближайшем его окружении значились имена родных. Квадраты друзей располагались еще дальше от центра, ближе к краям. Узор и расположение квадратов были самыми простыми, и одеяло не отличалось особенной красотой, поскольку работа зависела от мастерства каждой рукодельницы. Сама Хонор сделала бы иначе, но она никогда не смогла бы отдать одеяло кому-то другому: его сшили специально для нее, на память о родной общине.

Присев на корточки, Донован рассматривал одеяло – рассматривал так долго, что Хонор уже начала опасаться, не сказала ли она чего-нибудь лишнего. Она посмотрела на Томаса: тот сидел с безучастным видом.

– Мама шила стеганые одеяла, – наконец произнес Донован, проводя пальцем по имени Рейчел Брайт, одной из тетушек Хонор. – Но совсем непохожие на это. На ее одеялах располагалась в центре большая звезда, сложенная из маленьких ромбиков.

– Узор называется «Вифлеемская звезда».

– Да ну? – Донован посмотрел на нее, и его взгляд чуть смягчился.

– Я тоже шила такой узор, – продолжила Хонор, думая об одеяле, которое оставила Бидди. – Он достаточно сложный, потому что подогнать кончики ромбов друг к другу непросто. И шить надо тщательно. Твоя мама, наверное, была настоящей искусницей.

Донован кивнул, потом схватил одеяло и запихал его обратно в сундук. Запер сундук на замок и спрыгнул с повозки.

– Можете ехать.

Томас молча встряхнул поводья, и лошадь тронулась с места. Вскоре Донован снова догнал повозку.

– Ты в Веллингтоне поселишься?

– Нет, – ответила Хонор. – В Фейсуэлле, близ Оберлина. Там живет жених моей покойной сестры.

– Оберлин! – Он сплюнул, прищипорил коня и умчался вперед.

Хонор с облегчением вздохнула, потому что не знала, как бы она выдержала, если бы Донован ехал с ними всю дорогу до Веллингтона.

Топот копыт гнедого коня еще долго раздавался в лесной тишине, но затем стих.

– Ну, вот и славно, – тихо проговорил Томас и встряхнул поводья. Однако он больше не напевал.

И лишь через несколько миль Хонор сообразила, что Донован не вернул ей ключ от дорожного сундука.

* * *

*Магазин дамских шляп Белл Миллз,
Мейн-стрит,
Веллингтон, штат Огайо,
30 мая 1850 года*

Любезнейший мистер Кокс!

Сестра вашей невесты, Хонор Брайт, сейчас гостит у меня. С прискорбием сообщаю о безвременной кончине вашей нареченной. Желтая лихорадка.

Хонор нуждается в отдыхе, но через несколько дней уже сможет отправиться в путь. Вы могли бы приехать за ней в воскресенье, во второй половине дня?

*С искренним уважением,
Белл Миллз*

Дамские шляпки

Добираясь до Веллингтона, Хонор спала так много в чужих местах, что, проснувшись, не сразу сообразила, где находится. Ее платье и шаль висели на спинке стула, но она совершенно не помнила, как раздевалась и вешала одежду. Хонор села на кровати, уверенная лишь в одном: сейчас не раннее утро. А ведь обычно она просыпалась с рассветом. На ней была незнакомая ночная рубашка, слегка для нее длинноватая.

Где бы она сейчас ни находилась, это, вне всяких сомнений, Америка. Здесь даже солнечный свет был иным: более желтым и ярким. Он вовсю лился в окно, согревая Хонор. Поистине, день обещал быть жарким, хотя сейчас было еще свежо, и Хонор радовалась, что у нее есть одеяло. Она провела по нему рукой: в отличие от большинства американских одеял, оно было сшито не из квадратов, напоминавших заплатки. Это было настоящее английское лоскутное шитье, сработанное с большим тщанием, и хотя ткань поблекла, на ней не было ни прорех, ни распушенных стежков. Красные, желтые и оранжевые ромбики складывались в узор в виде звезды, расходящейся от центра. «Вифлеемская звезда» – как на том одеяле, которое Хонор подарила Бидди. И как на одеялах, какие делала мать Донована. Вспомнив про Донована, Хонор невольно поежилась.

Комната, где стояла кровать, была довольно просторной, однако напоминала кладовку, а не спальню. У стен были сложены рулоны тканей, в основном – белого цвета, но также цветные, клетчатые и с узором в цветочек. В открытых ящиках комодов виднелись перчатки, ленты, мотки проволоки, кружева и перья, выкрашенные в яркие цвета. В одном из углов были свалены в кучу гладкие деревянные плашки в форме овалов и цилиндров, а также большие овальные и круглые кольца, похожие на бублики или колеса, одни – из дерева, другие – из какого-то непонятного твердого белого материала. Хонор наклонилась, чтобы разглядеть их получше. Деревянные плашки отдаленно напоминали человеческие головы. Вчера поздно вечером Томас привез Хонор в какой-то магазин. Она так устала с дороги, что ничего вокруг не замечала, но сейчас сообразила: это был магазин дамских шляп.

Женщины-квакеры носят не шляпы, а простые белые чепчики и капоры, которые обычно шьют сами. В Бридпорте Хонор лишь несколько раз заходила в шляпный магазин, чтобы купить ленты. Однако, проходя мимо, она частенько заглядывала в витрину и дивилась на новые изделия, выставленные на полках. То было уютное, очень женское место, с полом, выкрашенным в зеленовато-голубой цвет.

На комод, заваленном обрезками тканей, стоял фарфоровый кувшин, расписанный розовыми розочками, и такой же, в розочках, таз. Похожие наборы для умывания Хонор видела во многих домах в Пенсильвании. Она умылась, оделась и, пригладив свои темные волосы, убрала их под чепчик. Хотела надеть и капор, но его нигде не было. Прежде чем спуститься вниз, Хонор выглянула в окно, выходившее на шумную людную улицу. После целого дня на пустынной лесной дороге было приятно снова увидеть людей.

Хонор спустилась по лестнице и оказалась в крошечной кухоньке с печкой, столом и буфетом со скудным набором посуды. На всем лежал налет заброшенности, будто здесь редко готовили пищу. Задняя дверь была распахнута настежь, и ветерок, задувавший с улицы, проникал через кухню в глубь дома. Хонор двинулась туда и вышла прямо в магазин.

Во многих отношениях веллингтонский магазин дамских шляп мало чем отличался от бридпортской лавки: те же длинные полки с разнообразными шляпами, болванки со шляпами и капорами на столах, стеклянные витрины, в которых выставлены перчатки, гребни и шляпные булавки. Большое зеркало на стене, просторное светлое помещение в два окна. Некрашенные доски пола отполированы до блеска ногами посетительниц. В дальнем углу, на рабочем столе, виднелось несколько шляп на разных стадиях готовности: слои соломки,

сушившиеся и принимавшие форму на деревянных шляпных болванках; согнутые овалом поля капоров, ожидавшие своих тулий; горы шелковых цветов и лент, готовых к тому, чтобы ими украсили шляпы. На рабочем столе царил беспорядок, но готовые изделия отличались отменным качеством.

Однако магазин, как и многие вещи в Америке, был иным. В бридпортской лавке шляпы были расставлены по фасонам, а здесь, похоже, их выкладывали, как Бог на душу положит. Одни полки буквально забиты товаром, другие – пустые. Комната светлая, но окна давно не мыли. Пол вроде бы тщательно подметен, хотя Хонор подозревала, что по углам притаились комки пыли. Магазин производил впечатление нового места, появившегося внезапно, в то время как в бридпортской лавке отоваривалось уже не одно поколение Брайтов: еще прабабушка Хонор покупала там скромные однотонные ленты.

Капоры и шляпы тоже были диковинными. Хотя Хонор не разбиралась в отделке, поскольку сама не носила шляп, ее поразили некоторые фасоны. Соломенная шляпка с низкой тульей, украшенная розами из клетчатой ткани. Еще одна плоская шляпа с каскадом разноцветных лент, связанных кусочками кружева. Капор с глубокой тульей, похожий на тот, что носила Хонор, только поля, обрамляющие лицо, были украшены не простой белой оборкой, а опушкой из белых перьев. Хонор не смогла бы носить эти шляпы, ведь квакеры не приемлют роскоши и строго придерживаются принципов простоты жизненного уклада, распространяющихся также и на одежду. Но даже если бы ей было можно это надеть, она сомневалась, что захотелось бы.

И все-таки шляпы, кажется, хорошо продавались: в магазине было полно покупательниц – женщин и молоденьких девушек, перебиравших чепцы с оборками и легкие летние капоры, рывшихся в корзинах с разноцветными лентами и тканевыми цветами, смеющихся и беззаботно болтающих друг с другом.

Хонор заметила женщину, с хозяйским видом стоявшую за прилавком в глубине помещения. Это была владелица магазина, с ней Хонор познакомилась вчера вечером. Женщина поймала ее взгляд и молча кивнула. Она не походила на шляпную модистку, как их представляют обычно. Высокая, очень худая, с костлявым лицом и скептическим прищуром. Карие глаза немного навывкате, белки желтоваты. Для хозяйки шляпного магазина она носила на удивление простой белый чепчик, из-под него выбивалась короткая светлая челка. Рыжевато-коричневое платье висело на ней, как на вешалке, открывая костлявые, выпирающие ключицы. Она напоминала садовое пугало, подвешенное на деревянной раме. Угловатая, тусклая безыскусность составляла столь резкий контраст с ярким, цветистым товаром, который она продавала. Хонор невольно улыбнулась.

– Чему улыбаемся, Хонор Брайт?

Хонор испуганно вздрогнула. Она не заметила, как в магазин вошел Донован. Остальные посетительницы замолчали и сделали шаг назад. Хонор осталась на месте. Ей не хотелось поднимать шум, поэтому она просто сказала:

– Доброго дня, мистер Донован!

Он посмотрел на нее долгим взглядом.

– Проходил мимо, увидел тебя и подумал: «Какого дьявола старина Томас привез барышню-квакершу в лавку Белл Миллз, если барышне все равно нельзя будет носить эти шляпы?»

– Донован, не груби нашей гостье, а то она вернется в Англию и всем расскажет, что американцы не знают хороших манер. – Белл Миллз вышла из-за прилавка и подошла к Хонор. – Ты ведь из Англии? Это сразу понятно, мисс Брайт. По простежке на вырезе. Аккуратные, мелкие стежки, очень простые и крепкие. Такое может придумать лишь английская мастерица. Я в жизни не видела подобного изящного шитья, и уж тем более – на платье квакерши. Ты сама это придумала?

– Да. – Хонор посмотрела на отделанный белой каймой вырез своего темно-зеленого платья. Кайма была уже не такой белоснежно-хрустящей, какой при отъезде из Англии. Но по сравнению с домом в Америке все казалось не очень чистым.

– А ты не привезла с собой какие-нибудь английские журналы? «Дамскую моду» или «Иллюстрированный лондонский вестник»?

Хонор покачала головой.

– Жаль. Я копирую оттуда фасоны шляп. Кстати, если ты потеряла свой капор, так он у меня. – Белл Миллз указала на полку у себя за спиной. Там стояли шляпные болванки, и на одну из них был надет светло-зеленый капор Хонор. – Он немного помялся. Я освежила его, почистила и подкрахмалила. Еще часок, и он полностью восстановит форму. Он был совсем новый? Ты купила его для поездки?

– Мама сшила.

Белл кивнула:

– Искусная работа. Ты умеешь шить так же?

И даже лучше, подумала Хонор, но промолчала.

– Она меня научила.

– Поможешь мне с шитьем? Обычно после пасхального бума на капоры я бываю свободнее, но сейчас у меня очень много работы. Все почему-то решили, будто им срочно нужны новые капоры или украшения на шляпы.

Хонор растерянно кивнула. Она не собиралась задерживаться в Веллингтоне: хотела уже сегодня отправиться в Фейсуэлл. До него было всего семь миль, и Хонор надеялась, что ей удастся найти кого-нибудь, кто подвезет ее. Или она могла бы попросить какого-нибудь мальчишку отвезти письмо Адаму Коксу, чтобы тот приехал за ней. Хотя ей было страшно при мысли так скоро увидеть Адама; она не знала, какой прием он окажет ей теперь, когда с ней не было Грейс.

– Вы, барышни, только об этом весь день и болтаете? – воскликнул Донован. – О шляпках и платьях?

Пока Белл беседовала с Хонор, посетительницы магазина успокоились и вновь принялись рассматривать товары. Но замечание Донована – неуместное в магазинчике дамских шляп – снова заставило их притихнуть.

– Тебя никто не просил приходить сюда и слушать нас, – резко произнесла Белл. – Уходи. Ты пугаешь моих покупательниц.

– Хонор Брайт, так ты остановишься здесь? – Донован словно не слышал Белл. – Ты мне об этом не говорила. Мне показалось, ты упоминала, что едешь в Фейсуэлл.

– Это не твое дело, куда она едет! Отстань от нее! – сказала Белл. – Томас мне рассказал, как ты к ней привязался еще по дороге сюда. Бедняжка столько пережила и не успела перевести дух, как ей пришлось познакомиться с отбросами нашего общества.

Донован пристально смотрел на Хонор, по-прежнему не обращая внимания на Белл.

– Ну что ж, Хонор Брайт, думаю, мы свидимся в Веллингтоне.

– Мистер Донован, могу я получить обратно мой ключ?

– Только с условием, что будешь звать меня Донованом. Ненавижу, когда меня называют мистером.

– Хорошо... Донован. Верни мне, пожалуйста, ключ.

– Конечно, милая. – Он потянулся к карману, но тут же опустил руку. – Ой, извини, Хонор Брайт, я его потерял.

Он смотрел ей прямо в лицо, явно давая понять, что лжет, и зная, что она не сможет обвинить его. Теперь его взгляд был уже не равнодушным, а внимательным и заинтересованным. Хонор стало страшно, но в то же время она ощутила какое-то странное волнение. Чувство было настолько неподобающим, что она покраснела.

Донован улыбнулся, приподнял шляпу и развернулся, чтобы уйти. Когда он уже приближался к двери, Хонор заметила у него на шее тонкую темно-зеленую ленточку.

Как только он вышел, посетительницы зашумели, словно курицы, всполошившиеся при виде лисы.

– Похоже, Хонор Брайт, ты уже заимела поклонника, – заметила Белл. – Но это не тот человек, в кого нужно влюбляться, поверь мне на слово. Ой, ты же, наверное, голодная. Вчера вечером ты вообще ничего не ела. И в дороге, сдается мне, тоже не пиновала. Дамы и барышни, – она повысила голос, – давайте пока разойдемся по домам. Время к обеду, пора накрывать на стол. Я сейчас буду кормить нашу усталую странницу. Если хотите что-либо купить, приходите часа через два. Миссис Брэдли, ваш капор будет готов завтра. И ваш тоже, мисс Адамс. Сейчас у меня есть отменная швея, так что работа пойдет быстрее.

Хонор наблюдала, как покупательницы послушно потянулись к выходу, и ее переполняли растерянность и смятение. Ее жизнь оказалась в руках незнакомцев, которые все решали за нее: куда ей ехать и где останавливаться, что есть и даже что шить. Похоже, теперь ей придется шить капоры для женщины, с которой она познакомилась вчера. Ее глаза защищало от слез.

Белл Миллз, вероятно, это заметила, но ничего не сказала – просто повесила на дверь табличку «закрито» и пошла в кухню, где бросила на сковородку кусок ветчины и выбила туда же несколько яиц.

– Садись ешь, – велела она уже через пару минут, ставя на стол две тарелки. Приготовление пищи, похоже, не относилось к числу тех занятий, на какие Белл тратила много времени. – Вот хлеб, масло. Угощайся.

Хонор посмотрела на жирную ветчину, на яйца, на плотный кукурузный хлеб, который ей предлагали за каждой трапезой в Америке. Она не была уверена, что сумеет впихнуть в себя хотя бы кусочек такой еды. Но Белл внимательно наблюдала за ней, и поэтому Хонор отрезала крошечный треугольничек ветчины и положила его в рот. Неожидаемое сочетание сладкого и соленого вкуса удивило ее и возбудило аппетит. Хонор съела все до последней крошки. Даже кукурузный хлеб, от которого ее уже воротило.

– Я так и подумала, – произнесла Белл. – Вид у тебя бледноватый. Ты давно выехала из Англии?

– Два месяца назад.

– А когда умерла твоя сестра?

– Четыре дня назад.

Всего лишь четыре дня, а Хонор уже начинало казаться, будто прошла целая вечность. Сорок миль от Гудзона до Веллингтона увели ее так далеко в другой мир, что эти мили казались длиннее, чем все путешествие.

– Да, милая, неудивительно, что ты изможденная. Томас сказал, ты едешь в Фейсуэлл, к жениху сестры.

Она кивнула.

– Я ему напишу. Сообщу, что ты здесь. Напишу, чтобы он приехал за тобой в воскресенье, во второй половине дня. Тебе нужно передохнуть пару дней. Можешь помочь мне с шитьем, если хочешь. Отблаговаришь меня за гостеприимство.

Хонор не смогла вспомнить, какой сейчас день недели.

– Хорошо, – кивнула она, с облегчением переложив всю ответственность на Белл.

– Давай-ка посмотрим, как ты управляешься с иголкой. У тебя есть свой швейный набор или дать тебе мой?

– У меня есть. Только он в сундуке, а сундук заперт.

– Чтоб ему провалиться, этому Доновану! Ну, ничего. Я сумею открыть сундук. Молотком и стамеской. Правда, придется сломать замок. Не возражаешь?

Хонор кивнула.

– Тогда вымой посуду, а я займусь сундуком.

Белл осмотрела стол, задержала взгляд на пустой тарелке Хонор и на своей, почти нетронутой. Она переставила эту тарелку на буфет и накрыла салфеткой. Потом ушла наверх. Через пару минут Хонор услышала звонкий удар и торжествующий вопль.

– Английские замки не прочнее американских, – объявила Белл, спустившись обратно в кухню. – Сундук открыт. Возьми свой набор. А я закончу с посудой.

Когда Хонор вернулась в кухню со своей шкатулкой со швейными принадлежностями, Белл вытаскивала кресло-качалку на улицу через заднюю дверь.

– Сядем на заднем крыльце, на свежем воздухе. Тебе что больше нравится: кресло-качалка или обычный стул?

– Я возьму стул.

Хонор видела кресла-качалки почти в каждом американском доме, где ей довелось побывать. Они ей не нравились, потому что напоминали о корабельной качке. Кроме того, когда собираешься шить, нужно сидеть прямо.

Забирая из кухни стул, Хонор заметила, что накрытая салфеткой тарелка исчезла с буфета.

Магазин дамских шляп располагался в конце ряда зданий, включавших в себя бакалейную лавку, магазин скобяных товаров, кондитерскую и аптеку. На задних дворах этих торговых заведений царил странное запустение, словно ими вообще не пользовались. Хотя при одном магазинчике находился огород, а еще на одном дворе на веревках сушилось белье. Во дворе у Белл не было ничего. Только огромная куча обструганных досок и коза на привязи среди сорняков.

– К поленнице не подходи, – предупредила Белл. – Там змеи. И козу тоже лучше не трогать. Она не моя, а соседская. Злющая – страшное дело.

Еще во дворе была дощатая уборная и небольшая хозяйственная пристройка, вернее, навес у внешней стены дома, под которым хранились дрова. Но двором Белл Миллз явно не занималась, отдавая все силы шляпному магазину.

Хонор открыла шкатулку и принялась перебирать свои швейные принадлежности. Это был давний, хорошо знакомый ритуал. Когда-то шкатулка принадлежала бабушке, но у той стало садиться зрение, она отдала шкатулку со всем содержимым лучшей швее среди внучек. Шкатулка была сделана из ореховой древесины, а внутри выложена подбитой ватой материей с вышивкой в виде ландышей в зеленых, желтых и белых тонах. Эту вышивку Хонор знала с самого раннего детства; закрыв глаза, она могла вспомнить ее до мельчайших деталей – и часто так делала, чтобы отвлечься на время плавания на «Искателе приключений». В верхнем отделении хранилась игольница, Грейс смастерила ее сама и украсила вышитыми ландышами, как на крышке шкатулки. Еще там лежали: проволочный нитковдеватель; фарфоровый наперсток, расписанный желтыми розами, – мамин подарок; подушечка для булавок, которую сшила для Хонор подруга Бидди; несколько наборов булавок, завернутых в зеленую бумагу; маленькая жестянка с пчелиным воском для вощения ниток; и бабушкины швейные ножницы с желто-зелеными эмалевыми рукоятками, в мягком кожаном чехле.

Белл Миллз с интересом заглянула в шкатулку.

– Очень красиво. А это что? – Она указала на плоские металлические фигуры: шестиугольники, ромбы, квадраты и треугольники.

– Шаблоны для лоскутов. Папа мне сделал.

– Ты шьешь лоскутные одеяла?

Хонор кивнула.

– А что там внизу?

Хонор приподняла верхний лоток, открывая целую коллекцию катушек с нитками самых разных цветов, уложенных ровными аккуратными рядами. Белл одобритительно кивнула, потом протянула руку и вынула из шкатулки маленький серебряный наперсток, лежавший среди катушек.

– А он разве не должен лежать наверху?

– Нет.

Этот наперсток ей подарил Сэмюэл в самом расцвете их чувств друг к другу. Теперь Хонор никогда не стала бы им пользоваться, но не могла от него избавиться.

Белл удивленно приподняла брови. Но Хонор не стала ничего объяснять, и Белл положила наперсток на место среди катушек, нарушив их идеальный ряд.

– Хорошо, Хонор Брайт, – усмехнулась она. – У каждого есть свои тайны, а сейчас – за работу. Ты хорошо шьешь по соломе?

– Я не делала шляпы. Только капоры.

– Держу пари, их у тебя всего два: летний и зимний. Вы, квакеры, не увлекаетесь модой, как я понимаю. Ладно, начнем с ткани. Я делаю летний капор для миссис Брэдли. Он уже сметан, его нужно просто прошить. Это несложно. Большинство женщин сами шьют себе капоры, но миссис Брэдли почему-то решила, что ей негоже брать в руки иголку. Справишься? Вот тебе нитки. Обычно я использую иглу шестого размера.

Белл вручила Хонор легкий капор, уже полностью собранный на «живую нитку». По голубой ткани тянулись тонкие желтые и белые полоски. Фасон был довольно простым, только сзади висел широкий и длинный назатыльник: кусок ткани, закрывающий шею от солнца. Таких назатыльников в Англии не носили – английские женщины не любили, когда вокруг шеи хлопает ткань, – но в Америке солнце гораздо жарче, и, наверное, без подобной защиты здесь не обойтись. В любом случае это был легкий фасон для шитья.

Хонор взяла катушку и нитковдеватель, быстро вдела нитки сразу в пять иголок, которые воткнула в игольницу, чтобы они были наготове. Она немного стеснялась под пристальным взглядом Белл, но в том, что касается швейного дела, она в себе не сомневалась. Хонор принялась пришивать тулью к полям, используя сдвоенный шов для прочности и присобирая материю тульи маленькими аккуратными складочками. Она всегда шила быстро и аккуратно, хотя с этим капором работала медленнее, чем обычно, – чтобы быть уверенной, что все делает правильно.

Белл сидела в кресле-качалке, пришивала полоску кремового шелка к овальным полям соломенного капора и время от времени приглядывала за работой Хонор. Когда та закончила, Белл сказала:

– Вижу, ты не нуждаешься в присмотре. Посмотри, как я плиссирую ткань, чтобы она ровно ложилась. Вот так, поняла? Сама сможешь? Давай-ка попробуем. Вот, возьми иголку – это специальная шляпная игла, для соломки она удобнее.

Оставшись довольной результатом работы Хонор, Белл поднялась с кресла и потянулась.

– Как мне с тобой повезло! Когда закончишь с этим капором, можешь приняться за следующий. – Она указала на стол, где лежали капоры в разной степени готовности. – А потом займись отделкой. Если возникнут вопросы, то я в магазине. Уже давно пора открывать его.

Солнце поднялось выше, и на крыльце почти не осталось тени. С тех пор как Хонор приехала в Америку, ей нечасто выпадал случай побыть одной, и сейчас она радовалась, что сидит на теплом майском солнце, в одиночестве и тишине, занимаясь привычной работой. Жаль только, что тут нет сада. Как было бы хорошо, на миг прерывая шитье, смотреть на клумбы с цветами вроде тех, что выращивала ее мама, – люпины, живокость, аквилегии, чернушки и незабудки. Хонор не знала, растут ли в Америке эти цветы и занимаются ли американцы подобным декоративным садоводством. Скорее всего нет. Разведение цветов

для красоты – занятие непрактичное, и особенно здесь, где условия жизни достаточно суровые и все усилия людей направлены на выживание, а не на украшательство. Впрочем, в том, что касается головных уборов – Хонор взглянула на кипу капоров, которые Белл оставила ей на столе, – женщины Огайо все-таки позволяют себе легкомыслие, разноцветье и яркий рисунок.

Закончив с кремовым капором, Хонор взяла следующий: светло-зеленый, с набивным рисунком в виде крошечных маргариток, с полями, которые отгибались назад, открывая еще один цвет – в данном случае рыжевато-коричневый. Сама Хонор сделала бы здесь розовый, но ее мнения никто не спрашивал. Она занялась вторым капором, и вскоре знакомый, размеренный ритм шитья захватил ее, наполняя мысли покоем и погружая в созерцательное состояние, как это бывает на молитвенных собраниях. Она почувствовала, как расслабляются ее плечи. Напряжение, не оставлявшее ее всю дорогу из Англии, немного спало. Когда очередная нитка закончилась, Хонор позволила себе минуту отдыха. Положив руки на колени, она закрыла глаза. В тишине, одиночестве и покое так хорошо думалось, вот только мысли были отнюдь не радостными: о Сэмюэле, который признался, что любит другую, и о ее собственном решении уехать из Дорсета; о том, что после смерти сестры она осталась одна в незнакомой, чужой стране. Хонор расплакалась, и эти тяжелые, мучительные рыдания напоминали приступы рвоты, терзавшие ее на «Искателе приключений».

Слезы принесли облечение, правда ненадолго. И в какой-то момент, между приглушенными рыданиями, у нее вдруг возникло стойкое ощущение – так же, как и по дороге из Гуздона в Веллингтон, – что она не одна. Хонор оглянулась через плечо, но Белл не стояла в дверях, и в кухне ее тоже не было. Хонор слышала голос шляпницы, доносившийся из магазина. На улице тоже не было никого. А вскоре она услышала, как у нее за спиной, под навесом у дома с поленницы упало бревно.

«Это, наверное, собака, – подумала Хонор, вытирая глаза рукавом. – Или какое-то из тех животных, которых нет у нас: опоссум, енот, дикобраз». Хотя она понимала, что животное вряд ли сумело бы свалить полено. Она знала – хотя не смогла бы объяснить почему, – что это было присутствие человека. И тогда, на дороге. И сейчас.

Хонор никогда не считала себя смелой. До поездки в Америку ее мужество ни разу не подвергалось серьезному испытанию. Однако сейчас она поборола в себе желание позвать Белл. Хонор отложила капор, встала со стула и спустилась с крыльца. Она знала, что нерешительность не поможет. Сделала глубокий вдох, на мгновение задержала дыхание и направилась прямо к навесу.

Солнечный свет проникал под покатую крышу на пару футов, а в глубине было темно. Поначалу Хонор вообще ничего не увидела. Но когда глаза немного привыкли к сумраку, она различила высокую, аккуратную поленницу и узкий зазор между поленницей и стеной. В этом зазоре стоял чернокожий мужчина. Хонор ойкнула от неожиданности, застыла на месте, глядя на этого человека. Среднего роста и среднего же телосложения, с копной курчавых волос и широким лицом. Босой, в грязных лохмотьях. Это все, что она различила. Хонор не могла разобрать, испуган он, или рассержен, или безропотен и смиренен. Для нее он выглядел просто черным.

Она не знала, что говорить – и надо ли что-нибудь говорить, – поэтому молча сделала шаг назад, развернулась и опрометью бросилась на крыльцо. Там она покидала обратно в шкатулку свои швейные принадлежности, сгребла со стола капоры и унесла в дом.

Белл не удивилась, увидев Хонор.

– Жарковато на солнце, да? – спросила она, поправляя шляпку на голове покупательницы. Белл слегка сдвинула шляпку набок и заколола ее шляпной булавкой. Обе женщины придирчиво рассмотрели в зеркале полученный результат. – Так лучше, правда? Вам очень идет.

– Даже не знаю, – произнесла женщина. – Фиалок, по-моему, маловато.

– Вы так считаете? Ладно, сделаю вам еще. Теперь у меня есть помощница, и дело пойдет быстрее. Пенни за каждый цветок, договорились? – Белл подмигнула Хонор. – Закончила капор мисс Адамс? Зеленый? Хорошо. Можешь сесть в уголке у окна – там много света, удобно работать.

Прежде чем Хонор успела ответить, Белл повернулась к покупательнице, и они принялись обсуждать фиалки.

Хонор сидела и шила до самого вечера. Постепенно у нее перестали дрожать руки. А вскоре она уже начала сомневаться: а был ли там человек? Может, ей просто почудилось? Из-за жары, из-за яркого света, из-за недавних переживаний у нее разыгралось воображение, и она приняла собаку или енота за человека? Хонор решила ничего не говорить Белл.

Магазин не пустовал ни минуты. Покупательницы шли одна за другой; и все поглядывали на Хонор, как на какое-то чудо, но свои замечания и вопросы адресовали не ей, а Белл Миллз.

– Белл, ты зачем выставила квакершу в окно? – спрашивали они. – Она откуда? Куда едет? Она здесь зачем?

И Белл отвечала им снова и снова. К вечеру все женщины Веллингтона знали, что Хонор приехала из Англии и направляется в Фейсуэлл, но задержалась на пару дней в городе, чтобы помочь Белл с шитьем. Та не преминула воспользоваться присутствием Хонор, чтобы сделать рекламу своему магазину.

– Она настоящая мастерица. Шьет даже лучше, чем я. Если закажете капор сегодня, она успеет пошить его. За всю жизнь не сносите, с такими крепкими швами. Или пока вам не захочется чего-нибудь новенького. И вот тогда вы пожалеете, что заказали один из капоров работы Хонор Брайт... Он не порвется, и у вас не появится повод купить себе новый.

Ближе к вечеру, когда смеркалось, Белл закрыла магазин и повела Хонор на прогулку по Веллингтону. Городок был не очень большим. Жилые дома и торговые лавки теснились на перекрестках немногочисленных улиц, но сами улицы были широкими, а планировка напоминала решетку. Мейн-стрит в одном месте расширили, и получилась прямоугольная площадь, вокруг нее располагались ратуша, церковь, гостиница и несколько магазинов и мастерских, в том числе и магазин дамских шляп Белл Миллз. Там находились и несколько лавок, торгующих всякой всячиной, сапожная мастерская, ателье, кузница, мебельная мастерская, небольшой кирпичный завод и лавка каретных дел мастера. Большинство зданий были двухэтажными, деревянными, с солнцезащитными тканевыми навесами и огромными окнами, где выставлялись товары. В городе недавно построили школу, а сейчас там вовсю шло строительство станции, поскольку уже этим летом в Веллингтон должны были протянуть железную дорогу.

– Когда к нам доберется железная дорога, город сразу разрастется, – сказала Белл. – Хорошо для торговли. Прекрасно для шляп.

Гуляя по городу, Хонор испытывала знакомое тревожное чувство, возникавшее всякий раз, когда она проезжала маленькие американские города: их возводили на скорую руку, и разрушить их так же легко, как построить. Страшно даже подумать, что произойдет, если случится пожар или грянет настоящая буря из тех, о которых она столько слышала здесь, в Америке: ураганы, торнадо и вьюги. Фасады домов казались относительно новыми, но уже были изрядно подпорчены солнцем и снегом. Улицы – одновременно сухими и мокрыми, где-то – пыльными, где-то – утопающими в грязи. Доски, разложенные над участками грязи, были буквально усеяны коричневыми плевками. По прибытии в Нью-Йорк Хонор и Грейс изумились тому, что практически все американские мужчины жуют табак и сплевывают прямо себе под ноги, и не только на улице, но даже дома. И что еще поразительно: никого вокруг это не возмущало. Словно так и должно быть.

Белл кивала всем, кто встречался им по дороге. Несколько раз останавливалась перемолвиться парой слов с женщинами. Большинство горожанок носили скромные будничные капоры, но Хонор заметила несколько дам в шляпах от Белл, с их замысловатой и яркой отделкой. Белл подтвердила ее догадку.

– Кто-то из наших дам шьет себе капоры собственноручно. Но все шляпы – только мои. В воскресенье увидишь их больше, когда все пойдут в церковь. Никто не осмелится явиться в церковь в шляпе, заказанной где-нибудь в Оберлине. Потому что иначе я просто не стану иметь с ними дело, и они это знают. Я ничего не имею против оберлинских шляпниц, но, если покупаешь у своего мастера, не надо искать себе что-то еще. Правильно?

Сама Белл была в соломенной шляпе, украшенной цветами, тоже сделанными из соломки, и с широкой оранжевой лентой по краю полей.

На площади стояла гостиница, на удивление большая для маленького городка: длинное двухэтажное здание с белыми колоннами и балконами по всему фасаду, причем не только на верхнем, но и на нижнем этаже.

– Постоялый двор Уолсворта, – пояснила Белл. – Единственное место в городе, где можно разжиться чем-нибудь горячительным. Впрочем, тебе это неинтересно. Вы, квакеры, спиртного не пьете?

Хонор кивнула.

– А я вот пью виски, но только дома. И вот почему.

Белл указала кивком на дальний конец здания гостиницы, расположенный напротив шляпного магазина на другой стороне площади. Там на широкой веранде был оборудован питейный зал, где сидели несколько мужчин, каждый – со своей бутылкой. Среди них находился Донован. Он развалился на стуле, положив ноги на стол. Увидев Хонор и Белл, Донован поднял бутылку, вытянув руку в их сторону. Потом поднес бутылку ко рту и отпил прямо из горлышка.

– Прелестно, – буркнула Белл и, взяв Хонор под руку, повела ее прочь от этого мрачного места.

Проходя мимо последней пары колонн, Хонор заметила какой-то листок, прикрепленный к одной из них. Ее внимание привлекла даже не надпись большими буквами: «ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ \$150», – а силуэт человека, бегущего с узелком за плечами. Хонор остановилась, чтобы прочитать объявление:

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ \$150

Сбежал с фермы Брауна близ Кларксберга, штат Виргиния, 15 мая 1850 года негр по имени Джонас. Около 30 лет, рост 5 футов и 8 дюймов, крепкого телосложения. Кожа средней черноты, широкие скулы, африканский нос. Курчавые волосы, обычно уложены на косой пробор. Левша. Если начистоту, тот еще ушлый проныра. Вышеуказанное вознаграждение будет выплачено любому, кто изловит его и препроводит в тюрьму, откуда я заберу его сам, где бы это ни находилось.

Г. Браун

*Кларксбергское почтовое отделение
26 мая 1850 года.*

Описание было очень подробным. Хонор мысленно нарисовала человека, которого видела за пленницей. Теперь, когда она знала слова, подходящие для его описания – крепкий, африканский, ушлый, – он представился ей очень живо. Его внимательный, оценивающий взгляд. Широкие плечи. И курчавые волосы, разделенные на косой пробор.

Донован внимательно наблюдал за ней.

– Пойдем отсюда! – Белл опять взяла Хонор под руку и потащила за угол, на Ремесленную улицу.

Когда они отошли подальше от гостиницы, Хонор спросила:

– Это Донован повесил плакат?

– Да. Он охотник за беглыми рабами. Ты и сама догадалась, верно?

Хонор кивнула. Да, она догадалась, хотя не знала, что у подобного занятия есть название.

– В Огайо много охотников за беглецами. Многие приехали сюда из Виргинии или Кентукки. Ищут беглых рабов, чтобы вернуть их хозяевам. Негры бегут с юга в Канаду. Через наш штат их проходит немало. Через Огайо тянется множество разных путей. Стой

себе где-нибудь на перекрестке и наблюдай. С востока на запад движутся переселенцы в поисках места, где много земли. С юга на север бегут рабы – из неволи к свободе. Никто не рвется на юг и восток. Север и запад – вот куда устремляются все чаяния и надежды.

– А почему они не остаются в Огайо? Я думала, здесь нет рабства.

– Некоторые остаются. В Оберлине есть свободные чернокожие. Но гарантированная свобода только в Канаде. Другая страна, иные законы, так что охотники за рабами не имеют там никакой власти. – Но Донован явно заинтересовался тобой, – продолжила Белл. – Хотя обычно он с подозрением относится к квакерам. Любит цитировать чье-то высказывание, что во время войны квакеры не встанут на защиту страны, но в мирное время с большим удовольствием лезут в чужие дела. Плохо, что ты привлекла его внимание. Теперь от него просто так не отделаешься. Он и в Фейсуэлле будет тебя беспокоить. Упрямый сукин сын. Уж я-то знаю. – Она улыбнулась, поймав озадаченный взгляд Хонор. – Донован – мой брат.

Хонор изменилась в лице, и Белл усмехнулась:

– У нас разные отцы, мы с ним не похожи. Выросли в Кентукки. Но наша мама была англичанкой. Из Линкольншира.

Так вот в чем разгадка.

– Это она сшила то одеяло, которое у меня на кровати? – спросила Хонор.

– Да. Донован все пытается забрать его. Хоть он и мой брат, но дрянной человек. Мы с ним оба переселились на север, но пошли разными путями. Ладно, пора возвращаться домой. – Белл встала перед Хонор и посмотрела ей в лицо. – Послушай, девочка. Я знаю, ты видела кое-что странное у меня в доме, но лучше тебе ничего не знать. Тогда, если Донован спросит, тебе не придется ему лгать. Ведь вы, квакеры, всегда говорите только правду?

Хонор кивнула. Белл взяла ее под руку и повернулась, чтобы идти обратно.

– Господи, я так рада, что я не квакер. Никаких тебе виски, и ярких нарядов, и перьев на шляпе, и никогда никому не соври. Что же тогда остается?

– И мы еще не сквернословим, – добавила Хонор.

Белл рассмеялась. Хонор улыбнулась:

– Мы называем себя «странные люди». Потому что понимаем, какими кажемся со стороны.

Белл продолжала смеяться, но резко затихла, когда они добрались до бара в отеле. Донована уже не было на веранде.

* * *

В следующие два дня Хонор шила с утра до вечера. В первой половине дня – у окна в магазине, а после обеда – на заднем крыльце. Белл поручала ей только капоры – те, которые надо было закончить буквально сегодня: пришить к полям одного кружева, к полям другого – двойной ряд рюшей. Третий, темно-зеленый капор следовало украсить тканевыми анютиными глазками и пришить к нему светло-зеленые ленты-завязки.

– Сможешь надделать еще цветов из готовых лепестков? – спросила Белл, когда Хонор закончила с капорами.

Та кивнула. Хотя прежде Хонор не делала цветы из ткани, поскольку квакеры не признают никаких украшательств в одежде, она уже поняла, что такие цветы вряд ли будут сложнее затейливых лоскутных узоров, которые она шила для одеял. Белл вручила ей коробку с лепестками и листьями.

– Я их вырезала вчера вечером, когда ты легла спать. А я засела в компании виски и ножниц, моих верных друзей.

Она показала, как делать анютины глазки, фиалки, розы и гвоздики из лепестков и гипсофилы – из мелких обрезков кружева. Хонор очень жалела, что рядом нет Грейс. Ей так хотелось, чтобы сестра увидела ее новые изделия: яркие и искусные.

Покупательницы продолжали высказывать замечания насчет Хонор – даже те, которые заходили в магазин днем раньше и уже обсудили ее.

– Боже мой, вы посмотрите! Квакерша шьет цветы! – восклицали они. – Еще немного, и ты ее обратишь, Белл!

Впрочем, если Хонор и привлекала внимание покупательниц, то лишь на мгновение. Высказав замечания, дамы переходили к более интересным делам: принимались рассматривать новые товары и совершать покупки. Они примеряли различные шляпки и капоры, придирчиво рассматривали себя в зеркале, критиковали фасоны и отделку, чтобы сбить цену. Но Белл упрямо держала цены, так что любая покупка сопровождалась изрядной словесной баталией.

Эти жаркие споры обескураживали Хонор. Ее удивляло, что ценность вещи может меняться в зависимости от того, насколько сильно кому-то хочется купить ее или продать. Из-за отсутствия фиксированных цен качество изделий Белл не то чтобы ставилось под сомнение, но представлялось некоей непостоянной, изменчивой величиной. Квакеры никогда не торгуются, а назначают справедливую, по их мнению, цену за материалы и труд. Каждое изделие имеет свою постоянную внутреннюю ценность, будь то морковь, подкова или лоскутное одеяло, и цена не меняется только из-за того, что многим людям нужны подковы. Хонор знала, что бридпортские купцы тоже любят поторговаться, но они никогда не торговались с ней лично. А споры, какие она наблюдала со стороны, происходили как бы понарошку, словно участники действия препирались друг с другом в шутку, потому что в процессе купли-продажи вроде как принято торговаться. То, что она наблюдала в магазине Белл, было отнюдь не шутиливой перепалкой, а по-настоящему жарким спором. Каждая из сторон держалась твердого мнения, что целиком и полностью права, а те, кто с ней не согласен, не просто не правы, а морально ущербны. Иногда эти споры перерастали в откровенную ругань, и покупательницы уходили из магазина в таком возмущении, что Хонор всерьез начинала задумываться, а вернутся ли они сюда снова.

Но Белл, похоже, искренне забавлялась и не расстраивалась, если товар оставался непроданным, как в большинстве случаев и бывало.

– Они вернутся, – говорила она. – А куда им еще идти? Я тут одна шляпница на весь город.

И действительно, хотя никому не удавалось сбить цену, многие женщины все-таки делали заказы. Белл редко снимала мерку. Она знала размеры своих постоянных заказчиц, а новый размер определяла на глаз.

– Двадцать дюймов у большинства, – сказала она Хонор. – У немок головы чуть побольше, но все остальные одинаковые, независимо от того, есть там мозги или нет.

Фасоны и украшения, которые она предлагала, были весьма необычны, но большинство покупательниц соглашались с ее предложениями, сберегая весь спорщический пыл на обсуждение цены. Хонор заметила, что вкус ни разу не подводил Белл, и даже если она предлагала фасон и цвет, совершенно отличные от того, что обычно носила заказчица, этот цвет и фасон подходили ей как нельзя лучше.

– Шляпы надо менять, иначе они обезличивают, – заявила она женщине, которую только что уговорила купить зеленую шляпу, украшенную колосьями, сплетенными из соломки. – Настоящая женщина должна удивлять. Являть себе с неожиданной стороны. Женщина, постоянно носящая синий капор с кружевами, сама начинает выглядеть, как этот капор, даже когда не надевает его. А яркий цветок, красная лента или загнутые поля сразу выделяют лицо.

Белл многозначительно покосилась на простой чепчик Хонор, и та невольно пригнулась.

– Но ты сама каждый день ходишь в одном и том же чепце, – заметила покупательница.

Белл провела рукой по своему чепцу, почти такому же скромному, как у Хонор, но с оборкой по краю и веревочкой сзади, которую можно было подтягивать, и тогда ткань на затылке собиралась в складки.

– Шляпнице у себя в магазине не следует ходить в модных шляпках, – объяснила она. – Чтобы не затмевать покупательниц. Здесь вы должны выглядеть потрясающе, а не я. Я надеваю свои шляпы на выход.

Несмотря на перепалки о ценах, фривольные украшения на грани приличия и возникавшее временами малоприятное ощущение, что она исполняет роль бесплатного развлечения для жительниц Веллингтона, Хонор нравилось работать на Белл. Над чем бы ни трудилась, по крайней мере, она занималась делом, и у нее не было времени предаваться печали о прошлом и страху перед неопределенным будущим.

Сидя у открытого окна, Хонор дважды видела, как мимо проезжал Донован на своем гнедом коне. Во второй раз он остановился у гостиничного бара, расположенного через площадь напротив шляпного магазина, спешился, поднялся на крыльцо и встал, опираясь на перила и глядя на магазин – а Хонор казалось, будто прямо на нее. Она отодвинулась от окна, но все равно чувствовала на себе взгляд Донована. Ей пришлось перебраться на заднее крыльцо, чтобы спастись от его пристального внимания.

Белл выдала Хонор еще одну партию капоров, но, прежде чем приступить к работе, она пару минут посидела, прислушиваясь. Из поленницы под навесом не доносилось ни звука, но Хонор чувствовала, что там кто-то есть. Теперь, когда она знала, кто это – и даже знала, как его зовут, – ей было уже не так страшно. В конце концов, это ему надо было бояться ее.

Белл рассказывала о беглых рабах, словно это вполне заурядное дело, но для Хонор подобное положение вещей казалось новым и возмутительным. Бридпортские Друзья осуждали американское рабство и клеймили его позором, но это были всего лишь негодующие слова; никто из них в жизни не видел живого раба. Мысль, что один из рабов сейчас прячется буквально в пятнадцати шагах от нее, ошеломляла Хонор.

Она взяла серый капор с бледно-желтой подкладкой, настолько скромный, что он почти подходил и для женщин-квакеров. Хонор надо было пришить к нему ленты горчичного цвета и желтый шнур для завязок, собирающих в складки ткань на затылке. Сначала подобное сочетание цветов показалось Хонор неудачным, однако к концу работы над капором она согласилась, что бледно-желтый цвет хорошо оттеняет серый, не создавая при этом яркого контраста, и капор не смотрится аляповатым. Хотя горчичную ленту она заменила бы на что-то более спокойное и не бросающееся в глаза. У Белл был весьма своеобразный вкус, но она применяла его умело, и результаты получились впечатляющими.

Когда в магазине случилось временное затишье, Белл принесла Хонор воды в жестяной кружке. Пока та пила, Белл приблизилась к краю крыльца и встала там, глядя во двор.

– Там змея, у поленницы, – сказала она. – На солнышке греется. Медноголовый щитомордник. В Англии есть щитомордники? Нет? Близко к ним не подходи... они ядовитые. Если укусит – верная смерть.

Белл ушла в дом и вернулась с дробовиком. Без предупреждения вскинула дробовик на плечо и выстрелила в змею. Хонор вздрогнула и крепко зажмурилась, уронив кружку. Когда она наконец решилась открыть глаза, то увидела обезглавленное тело змеи, лежащее в траве буквально в двух шагах от поленницы.

– Вот так-то лучше, – произнесла Белл. – Хотя, возможно, у них там гнездо. Попрошу кого-нибудь из мальчишек, чтобы пришли и перебили их всех. Мне в дровах змеи без надобности.

Хонор подумала о человеке, который прятался за поленницей. Уже почти трое суток. На жаре, в тесноте и темноте. Интересно, как получилось, что Белл стала прятать беглых рабов? Когда в ушах отзвенело, она спросила:

– Ты говорила, что Кентукки – рабовладельческий штат. У твоей семьи были рабы?

Белл внимательно посмотрела на нее, по-прежнему сжимая в руках дробовик. Хонор снова заметила, что платье висит на Белл, словно на вешалке, и ей только сейчас пришло в голову, что, наверное, Белл страдает каким-то серьезным недугом, и поэтому она такая худая и бледная.

– Мы были слишком бедны, чтобы иметь рабов. Вот Донован и занимается тем, чем занимается. Белые бедняки ненавидят негров сильнее, чем остальные.

– Почему?

– Считают, что чернокожие отнимают у них работу. Да и цена труда падает ниже некуда. Видишь ли, негров ценят значительно выше. Плантаторы платят тысячу долларов за одного чернокожего раба, а белый бедняк – он вообще ничего не стоит.

– Но ты же их не ненавидишь.

Белл улыбнулась уголками губ:

– Да, милая. Я их не ненавижу.

Над дверью магазина звякнул колокольчик. Белл поспешила в дом, но, уже уходя, проговорила:

– Донован, кстати, уехал. Сегодня суббота, а по субботам он всегда напивается в салуне у Психа, что в Оберлине. Эту традицию он блюдет свято. Обычно он ближе к вечеру едет, но сегодня, как я понимаю, решил пораньше начать. Можешь больше не прятаться от него. Если хочешь, иди в магазин.

* * *

*Магазин дамских шляп Белл Миллз,
Мейн-стрит,
Веллингтон, штат Огайо,
1 июня 1850 года*

Милая Бидди!

С глубоким прискорбием сообщаю, что Господь призвал к себе Грейс. Она покинула нас шесть дней назад, став жертвой желтой лихорадки. Я не буду вдаваться в подробности – все они есть в письме, которое я отправляла родителям, и ты можешь прочитать его. Жаль, что тебя нет рядом. Как было бы славно, если ты бы сидела сейчас со мной, держа меня за руку и утешая.

Думаю, ты удивишься, узнав, где я нахожусь. Сижусь на заднем крыльце магазина дамских шляп Белл Миллз, в Веллингтоне, штат Огайо. Крыльцо выходит на запад, и я наблюдаю, как солнце клонится к закату над участком земли, где блестят металлические пути строящейся железной дороги. Ее протянут на юг до Колумбуса и на север до Кливленда. Жители Веллингтона охвачены радостным предвкушением, как это было бы с нами в Англии, если бы железную дорогу провели до Бридпорта.

Белл – одна из столь многих добрых людей, встреченных мною в Америке. Незнакомых, пожалевших меня и оказавших помощь в дороге. Доброта Белл поистине безгранична. От ее магазина до дома Адама Кокса

всего семь миль, однако она не отправила меня туда сразу, как я у нее появилась. Поняла, что мне нужно время, чтобы прийти в себя после смерти сестры, и разрешила остаться на несколько дней в ее доме. В благодарность за гостеприимство я помогаю ей с шитьем, что мне только в радость, поскольку это занятие мне знакомо и позволяет к тому же чувствовать себя нужной, потому что я делаю что-то полезное, а не ем свой хлеб даром, полагаясь на доброту незнакомцев.

Я до сих пор пребываю в ошеломлении, ведь не прошло и недели с тех пор, как Грейс покинула этот мир. Пространство и время сыграли со мной странную шутку: путешествие морем, как мне представляется, длилось долгие годы, хотя заняло всего месяц, и мне уже кажется, будто Гудзон, где похоронена Грейс, остался так далеко позади, хотя я живу в Веллингтоне лишь три дня. Для человека, чья жизнь была упорядоченной и тихой при полном отсутствии каких бы то ни было неожиданностей, мне пришлось пережить слишком много всего за такое короткое время. Подозреваю, Америка продолжит удивлять меня и дальше.

Здесьние люди приводят меня в замешательство, поскольку совершенно другие. Не такие, как в Англии. Они очень шумные. И говорят все, что думают, к чему я не привыкла. Они знают о квакерах, однако меня тут считают странной. Покупательницы в магазине у Белл прямо так и говорят, причем настолько бесцеремонно, что это задевает. Ты знаешь, я всегда была тихой; а здесь, в окружении американцев, стала настоящей тихоней.

И все-таки у них есть свои тайны. Например, я почти уверена, что буквально в пятнадцати шагах от того места, где пишу тебе это письмо, прячется беглый раб. Также я начинаю подозревать, что он прятался где-то в повозке, на которой я прибыла в Веллингтон. Но я не решаюсь что-либо выяснять, поскольку беглых рабов ищут, а ты сама знаешь, что я не смогу солгать, если меня кто-нибудь спросит. Дома легко быть открытой и искренней. Мне редко приходилось что-либо скрывать от родителей или от тебя. Лишь разрыв с Сэмюэлем дался мне тяжело. Однако тут мне приходится утаивать свои мысли. Я не хочу никому лгать, но в этой стране очень трудно всегда говорить только правду.

Но с тобой, самой близкой моей подругой, я могу быть откровенной. Адам Кокс приезжает сюда завтра, и, признаюсь, мне страшно. Он ждал свою будущую супругу, а теперь встретит только меня, без Грейс. Конечно, я знаю его и Мэтью с тех пор, как они поселились в Бридпорте, но они много старше меня, и я не особенно с ними общалась. А теперь это будут единственные знакомые мне люди.

Пожалуйста, не говори ничего этого моим родителям. Я не хочу, чтобы они за меня волновались. Это не обман, когда человек скрывает свои чувства. Чувства – не поступки, и они постоянно меняются. Надеюсь, в следующий раз смогу написать, что мне хорошо в Фейсуэлле и я себя чувствую там как дома. А пока, милая моя Бидди, думай обо мне и молись за меня.

*Твоя навеки подруга,
Хонор Брайт*

Молчание

В воскресенье Хонор проснулась рано. Она знала, что Адам Кокс приедет за ней после обеда, по завершении молитвенного собрания в Фейсуэлле, но беспокойство не дало ей заснуть снова. Она лежала в постели, слушала рассветное пение незнакомых американских птиц, водила пальцем по швам «Вифлеемской звезды» в центре одеяла и тревожилась в ожидании близящихся перемен.

Белл тоже проснулась рано, хотя просидела полночи с бутылкой. За завтраком – снова яичница с ветчиной и каша из кукурузной крупы, на которой, как говорила Белл, она выросла в Кентукки. Хонор задавалась вопросом: пойдет ли шляпница в церковь? Но Белл, кажется, не собиралась никуда выходить. Убрав со стола, она уселась на заднем крыльце и принялась читать номер «Утреннего вестника Кливленда», днем раньше оставленный в магазине кем-то из покупательниц. Поколебавшись, Хонор достала из сундука Библию и присоединилась к Белл на крыльце.

Она сразу поняла, что за поленицей никого нет. Что-то неуловимо изменилось и в самой атмосфере, и в поведении Белл, которая выглядела уже не такой напряженной. Белл взглянула на книгу на коленях у Хонор.

– Сама-то я в церковь почти не хожу, – произнесла она. – У нас с пастором разногласия по многим вопросам. Но если хочешь пойти, я тебя отведу. Выбор есть: хочешь – к конгрегационалистам, хочешь – к пресвитерианцам или методистам. Лучше к конгрегационалистам. Они красивее поют. Я их слышала.

– В этом нет необходимости.

Белл принялась раскачиваться в кресле-качалке, а Хонор раскрыла Библию и попыталась вспомнить, где остановилась в последний раз, когда читала Писание у постели умирающей сестры. Глаза скользили по строчкам, но она никак не могла сосредоточиться на том, что читает.

Белл раскачивалась все сильнее и сильнее. Наконец она опустила газету:

– А вот мне интересно про квакеров...

Хонор подняла голову.

– Вы же сидите молчите? Псалмов не поете, молитв не читаете. Проповедей у нас тоже нет. Почему?

– Мы слушаем.

– Что?

– Голос Божий.

– А голос Божий нельзя услышать в псалмах или молитвах?

Хонор вспомнила, как стояла у дверей церкви Пресвятой Девы Марии в Бридпорте, через дорогу от дома собраний Друзей. Прихожане в церкви пели что-то красивое, и Хонор на мгновение стало завидно.

– В тишине нас ничто не отвлекает, – объяснила она. – Длительное молчание позволяет услышать, что происходит в душе. Мы называем это ожиданием озарения в молчании.

– И вы совсем не думаете о повседневных делах? Например, что приготовить на ужин, или о том, что о ком говорят? Я бы, наверное, размышляла о фасонах для новых шляп.

Хонор улыбнулась:

– Иногда я думаю об одеяле, которое шью. Нужно время, чтобы освободить голову от суетных мыслей. Получается лучше, когда мы ждем озарения все вместе. И еще хорошо закрыть глаза. – Она помедлила, подбирая слова, чтобы передать свои ощущения на молитвенном собрании. – Когда разум очищен от мыслей, ты погружаешься в себя, в более полную тишину. Туда, где мир и покой. И очень сильное, явственное ощущение, что к тебе прикос-

нулось то, что мы называем внутренним духом или внутренним светом. В Америке у меня пока этого не было.

– А сколько ты посетила собраний в Америке?

– Только одно. Мы с Грейс ходили на собрание в Филадельфии. Там все было... иначе.

Не так, как в Англии.

– Но ведь молчание везде одинаковое?

– Оно бывает разным. Есть просто молчание, а есть молчание глубокое и плодотворное. В Филадельфии я не сумела сосредоточиться. И не обрела мир и покой, который искала в тот день.

– Я полагала, квакеры в Филадельфии – самые что ни на есть отборные. Квакеры высшего сорта.

– Мы никогда так не считаем. Но...

Хонор замолчала. Ей не нравилось критиковать Друзей в присутствии других. Но уж раз начала, надо договорить до конца.

– Хотя молитвенный дом на Арк-стрит очень большой, но в Филадельфии много Друзей, и, когда мы с Грейс пришли, там осталось не так уж много свободных скамей. Мы с ней сели на свободные места, а нас попросили пересесть. Объяснили, что это скамья для черных.

– Для кого?

– Для чернокожих Друзей.

Белл удивленно приподняла брови:

– А что, среди квакеров есть цветные?

– Да. Я тоже об этом не знала. В тот день никто из них не пришел на собрание, и та скамья осталась пустой. А на других скамьях было тесно и неудобно.

Белл молча ждала продолжения.

– Меня удивило, что Друзья делят людей на черных и белых.

– И это тебе помешало обрести Бога в тот день?

– Возможно.

Белл усмехнулась и покачала головой:

– Ты такой нежный цветочек. Если квакеры утверждают, что все люди равны перед Господом, это вовсе не означает, что они равны друг перед другом.

Хонор опустила голову. Белл пожала плечами и снова взялась за газету.

– А я вот люблю хороший псалом. По мне, так оно всяко лучше молчания. – Она принялась напевать простенькую мелодию.

После обеда Белл попросила соседских мальчишек отнести вниз дорожный сундук Хонор, чтобы все было готово к прибытию Адама Кокса. Белл с Хонор ждали его в магазине. В воскресенье все лавки в городе были закрыты, но люди, прогуливавшиеся по площади, все равно заглядывали в витрины.

– Спасибо за помощь, – сказала Белл. – Теперь я все успеваю. Сейчас у меня все равно затишье до сентября, когда они примутся обновлять свои зимние капоры.

– Это тебе спасибо, что приютила меня.

Белл небрежно махнула рукой:

– Да не за что, милая. Вот что забавно: обычно я предпочитаю, чтобы рядом не было никого, но с тобой очень легко. Ты говоришь немного. Все квакеры такие же молчаливые, как ты?

– Сестра была вовсе не молчаливой. – Хонор стиснула руки, чтобы они не дрожали.

– В общем, приезжай ко мне в гости в любое время, когда захочешь. В следующий раз научу тебя делать шляпы. Кстати, чуть не забыла. У меня для тебя подарок. – Белл зашла за прилавок и сняла с полки серый с желтым капор, который Хонор дошивала вчера. – Для новой жизни тебе нужен новый капор. А этому капору нужно приключение. – Она протянула

капор Хонор, а когда та не взяла, насильно вложила его ей в руки. – Это самое меньшее, чем я могу отблагодарить тебя за работу. И он тебе очень идет. Примерь!

Хонор неохотно сняла свой старый капор. Ей нравился этот серый оттенок, однако она сомневалась, что ей пойдет желтый цвет на ободке полей. Но, посмотревшись в зеркало на стене, Хонор с удивлением поняла, что Белл права. Бледно-желтый ободок будто светился, и казалось, будто само лицо тоже мягко светится.

– Вот видишь! – воскликнула Белл. – Поедешь в Фейсуэлл настоящей красавицей. И может, более современной барышней. У меня остались обрезки желтого... на подкладку уже не хватит, так что они мне без надобности. А вы, рукодельницы, шьющие одеяла, всегда собираете лоскутки.

* * *

Сначала Хонор решила, что Адам Кокс был с ней нелюбезен и холоден, потому что ему не понравился ее капор.

Услышав звук приближающейся повозки, они с Белл вышли на улицу. Хонор так разволновалась, что у нее разболелся живот. Ей было страшно при мысли, что уже очень скоро придется рассказать Адаму о смерти Грейс, стать свидетельницей его горя и вновь пережить свое собственное, однако она с нетерпением ждала встречи. Ей очень хотелось скорее увидеть знакомое лицо. Когда Адам, ехавший медленно и осторожно, остановился перед магазином, Хонор нетерпеливо шагнула ему навстречу – и замерла, наткнувшись, словно на стену, на его жесткий, застывший взгляд. Такой взгляд бывает у человека, который уносится мыслями далеко-далеко и не желает участвовать в том, что происходит вокруг. И еще ей показалось, будто Адам избегает смотреть ей в глаза. Тем не менее она сказала:

– Адам, я рада тебя видеть.

Он спустился с повозки. Хонор всегда удивляло, что Грейс выбрала этого человека себе в мужья. Высокий, немного сутулый, как многие лавочники, с висячими усами, в строгом темном костюме и в широкополой шляпе, он подошел к крыльцу и кивнул Хонор, но не обнял по-родственному, как если бы она была членом семьи. Он явно чувствовал себя неловко. И прежде чем произнес хоть слово, Хонор уже поняла, что это будет очень простое воссоединение. Они были чужими друг другу. Их не связывало ничего, кроме скорбных обстоятельств и памяти о Грейс. Глаза зашипало, но усилием воли Хонор все же сумела сдержать слезы.

– Я тоже рад тебя видеть, Хонор, – произнес Адам, но в его голосе не звучала радость.

– Спасибо, что приехал за мной, – промолвила она.

Белл наблюдала за ними, скрестив руки на груди. Она уже составила мнение об Адаме Коксе, но, будучи воспитанной, повела себя так, как пристало культурным людям.

– Смерть невесты – тяжелый удар. Примите мои искренние соболезнования, сэр, – сказала она. – Господь не дает нам легкой жизни, уж это точно. Уверена, вы позаботитесь о Хонор. Девушка пережила настоящий ад.

Адам молча посмотрел на нее.

– У нее золотые руки. Шьет лучше всех в этом городе, – добавила Белл. – Она очень помогла мне. Ну что ж, Хонор, теперь мы с тобой будем видеться нечасто... Оберлин ближе к Фейсуэллу, чем Веллингтон, и за покупками ты станешь ездить туда. С оберлинцами будь аккуратнее... у них обо всем есть свое мнение, и никаких других мнений они не признают. Если тебе это все надоест, возвращайся сюда – здесь для тебя всегда будет работа. Эй, это еще что такое? – Она увидела, что Хонор плачет.

Белл обняла ее так крепко, что у Хонор перехватило дыхание. Для такой худощавой женщины шляпница оказалась на удивление сильной.

* * *

Дорога на север от Веллингтона была шире той, по которой Хонор ехала с Томасом из Гудзона. Ближайшие к дороге деревья вырубili, и лес представлялся не таким угнетающим и давящим. Участки дикого леса все чаще сменялись фермерскими дворами, кукурузными и овсяными полями и обширными лугами, где паслись коровы. Впрочем, по случаю воскресенья дорога была пустынной.

Уже в пути Хонор узнала, почему Адам Кокс был таким мрачным. Не вдаваясь в подробности, он сообщил ей, что его брат Мэтью скончался три недели назад от чахотки – той самой болезни, из-за которой он, собственно, и позвал Адама в Огайо, поскольку сам не справлялся в лавке.

– Мне очень жаль, – тихо промолвила Хонор.

– К этому все и шло. Давно было ясно, что он не жилец. Я ничего не писал Грейс, чтобы не обременять ее беспокойством.

– А как поживает вдова Мэтью?

– Абигейл покоряется Божьей воле. Она сильная женщина и сумеет все преодолеть. Но расскажи мне о Грейс.

Хонор поведала ему о болезни и смерти сестры. Потом они долго молчали, и Хонор ощущала тяжесть незадаанных вопросов и невысказанных замечаний. И самым главным, конечно же, был вопрос: «На что мне сестра, когда нет жены?» Адам Кокс – человек, безусловно, достойный и честный, и он возьмет на себя бремя заботы о своей несостоявшейся свояченице. Но это тяжелое бремя – для них обоих.

Адам искоса взглянул на Хонор:

– У тебя новый капор?

Удивленная, что он обратил внимание на ее наряд, она пролепетала:

– Да, это... это подарок... от Белл...

– Ясно. Значит, не ты его сшила.

– Он плохой?

– Нет, не плохой. Просто отличается от всего, что ты носишь обычно – что носят женщины из Друзей. Но вообще, нет. Не плохой. – Было странно слышать его дорсетский акцент так далеко от дома. Адам откашлялся, прочищая горло. – Абигейл... вдова Мэтью... тебя не ждала. Сказать по правде, я тоже тебя не ждал. Мы не знали, что ты приезжаешь в Огайо. Узнали только на днях, получили письмо от той шляпницы, где она написала, что ты у нее.

– Ты не получил письмо Грейс? Она написала, что я тоже еду. И сразу отправила то письмо. В тот же день.

– Письма иногда теряются, Хонор, или приходят с большим опозданием. А когда все же приходят, новости в них будут месячной давности. Ты ведь писала родителям о смерти Грейс?

– Да, конечно.

– Они узнают об этом месяца через полтора. А тем временем будут слать тебе письма, в которых станут спрашивать о здравии Грейс. Это будет непросто, так что лучше заранее приготовься. Опоздавшие письма выбивают из колеи. Живешь и не знаешь, что вся твоя жизнь изменилась.

Хонор слушала вполуха, потому что уже начала различать на дороге звук, которого ожидала с той самой минуты, как покинула Веллингтон: неровный топот коня Донована, приближающийся к ним сзади. Он догнал их очень быстро.

– Хонор Брайт, – сказал он, пахнув на нее виски и табаком, – ты же не думала уехать из города, даже не попрощавшись? Это было бы невежливо. Не по-дружески.

Адам Кокс натянул поводья, останавливая повозку.

– Здравствуй, друг. Ты знаешь Хонор?

– Адам, это мистер Донован, – произнесла Хонор. – Я познакомилась с ним по дороге в Веллингтон. – Она не стала упоминать, что Донован – брат Белл; Адам и так был не слишком высокого мнения о веллингтонской шляпнице.

– Понятно. Благодарю тебя за доброту и участие, какие ты выказал Хонор в столь нелегкое для нее время.

Донован хохотнул:

– О, Хонор произвела настоящий фурор у нас в городе! Да, душечка?

Адам нахмурился, не ободряя столь грубой фамильярности. Однако, не зная иных манер, кроме как говорить только правду, он сообщил:

– Теперь она будет жить в Фейсуэлле, куда мы сейчас направляемся. Мы, пожалуй, поедем. – Он выжидающе приподнял поводья.

– И что, теперь ты женишься на ней? Когда не стало ее сестры?

Хонор с Адамом поморщились и отодвинулись друг на друга. Хонор сделалось дурно, в прямом смысле слова.

– Теперь я обязан позаботиться о ней, – сказал Адам. – Хонор мне как сестра и будет жить в моем доме, со мной и моей невесткой, на правах члена семьи.

Донован вскинул брови:

– Две женщины в доме, свояченица и невестка, но без жены? Хорошо человек устроился!

– Хватит, Донован! – Резкий тон Хонор ошеломлял ничуть не меньше, чем отсутствие «мистера» в обращении. Адам удивленно моргнул.

– Ага, она все-таки выпустила коготки. Ладно-ладно, примите мои извинения. – Донован изобразил шуточный полупоклон в седле, а потом спешился. – Но мне нужно проверить вашу повозку. Слезайте.

– А есть ли причина рыться в наших вещах? – спросил Адам, наливаясь краской. – Скрывать нам нечего.

– Адам, дай ему посмотреть, – прошептала Хонор, спускаясь на землю. – Так будет проще.

Тот остался сидеть на месте.

– Ни у кого нет права рыться в чужих вещах без особой причины.

Дальше все произошло так стремительно, что у Хонор перехватило дыхание. Вот Адам сидит с вызывающе дерзким видом, выпрямившись на козлах, а уже в следующее мгновение он лежит на земле, в дорожной пыли, стонет, держась за запястье, и кровь течет у него из носа. Хонор подбежала к нему, опустилась рядом, положила его голову себе на колени и принялась вытирать кровь носовым платком.

А Донован тем временем снова открыл ее дорожный сундук, вытащил вещи и разбросал по полу повозки. На сей раз он ничего не сказал насчет подписного одеяла. Затем перебрался на козлы, поднял сиденье и заглянул внутрь. Закончив обыск, Донован спрыгнул на землю и встал, возвышаясь над Хонор и Адамом.

– Где черномазый, Хонор? Солгать ты не сможешь, так что давай, говори правду, квакерша.

Хонор подняла голову.

– Я не знаю. – И это была чистая правда.

Донован долго смотрел ей в лицо. Хотя его взгляд был слегка мутноватым после загула субботним вечером, в нем по-прежнему мелькал живой интерес, и Хонор вдруг поняла, что ее зачаровывает этот взгляд, эти мелкие черные крапинки в карих глазах, похожие на кусочки

древесной коры. Он по-прежнему носил на шее ключ от ее сундука – очертания ключа просматривались под рубашкой.

– Хорошо. Сам не знаю почему, но я тебе верю. Только не вздумай мне лгать и впредь. Я все-таки буду присматривать за тобой. Скоро приеду к тебе в Фейсуэлл, так что жди в гости. – Донован сел в седло и развернул коня, чтобы ехать обратно в Веллингтон, но на секунду помедлил. – Капор моей сестры тебе очень к лицу, Хонор Брайт. В детстве у нас с ней было такое же одеяло, таких же цветов. – Он цокнул языком, и конь сразу взял с места в галоп.

Хонор было неприятно, что он говорит ей такие слова.

Далеко на дороге показалась другая повозка. Хонор помогла Адаму подняться, чтобы он не позорился еще больше, лежа в пыли на глазах незнакомцев. Он морщился, держась за запястье.

– Перелом или растяжение? – спросила Хонор.

– Думаю, всего лишь растяжение. Надо только потуже перевязать. – Адам покачал головой, глядя на вещи Хонор, разбросанные по повозке. – И что он надеялся тут найти? Он же знает, что мы не возим ни спиртного, ни табака. И вообще ничего ценного. – Он озадаченно посмотрел на Хонор, которая успела поднять с земли его шляпу и теперь стряхивала с нее пыль.

Она протянула шляпу Адаму.

– Донован искал беглого раба.

Адам глядел на нее до тех пор, пока ему не пришлось отступить в сторону, давая дорогу приближающейся повозке. Он не произнес ни слова, когда они с Хонор снова усаживались в повозку и когда Хонор перевязывала ему руку одной из своих шейных косынок. И только когда они двинулись дальше, Адам откашлялся и произнес:

– Похоже, ты быстро осваиваешься в Америке. – И его голос звучал недовольно.

*Фейсуэлл, Огайо
5 июня 1850 года*

Дорогие мои мама и папа!

Путешествие из Бридпорта в Фейсуэлл было долгим. И самое лучшее, что ожидало меня в конце пути – ваше письмо. Адам Кокс говорит, что оно дождалось меня две недели. Как получилось, что оно прибыло раньше меня, хотя должно было проделать такой же путь? Увидев твой почерк, мама, я не смогла сдержать слез. И хотя письмо было написано через неделю после моего отъезда, я читала все новости с истинным наслаждением, потому что мне чудилось: я по-прежнему дома и принимаю живое участие в жизни общины. Но дата, проставленная в письме, послужила мне напоминанием, что все, о чем ты тут пишешь, происходило два месяца назад. Подобная задержка смущает разум.

С глубоким прискорбием вынуждена сообщить, что Мэтью Кокса больше нет с нами; месяц назад он скончался от чахотки. Это означает, что та семья в Фейсуэлле, к которой я теперь принадлежу, нынче разительно отличается от того, что предполагалось вначале. Вместо двух супружеских пар остались мы трое, связанные друг с другом весьма непрочными узами неубедительного родства. Все это очень неловко, хотя я тут недавно, и надеюсь, со временем все утрясется, я стану своей в этом доме, где пока чувствую себя гостьей. Адам и Абигейл, вдова Мэтью, приняли меня радушно. Но известие о смерти Грейс стало большим потрясением для Адама, он с нетерпением ждал приезда будущей супруги.

Мой приезд также стал для него неожиданностью, поскольку письмо с сообщением, что я еду в Америку вместе с Грейс, до него не дошло.

Я часто задумываюсь о том, как бы Грейс справилась с обстоятельствами, как она сгладила бы все острые углы своим смехом и добрым юмором. Я попробую ей подражать, но это непросто.

Дом Адама в Фейсуэлле – или, наверное, следовало бы сказать «дом Абигейл», поскольку он принадлежал ей и Мэтью, – отличается от всего, к чему я привыкла. Находясь в доме, я испытываю странное ощущение, что даже воздух здесь иной. Не такой, каким я дышала в Англии. Может ли здание так влиять на человека? Дом совсем новый, построен три года назад из сосновой доски и до сих пор пахнет смолой. Мне все чудится, будто он ненастоящий – как кукольный домик. Нет в нем твердости и основательности, что создает ощущение защищенности, как было в нашем каменном доме на Ист-стрит. Дом постоянно потрескивает и скрипит: дерево отзывается на дуновения ветра и влажность. Тут вообще очень сыро, и, говорят, летом будет еще хуже. За исключением моей крошечной спальни, дом большой и просторный. В Америке много земли под строительство. В доме два этажа, и, когда кто-нибудь идет по лестнице, всем остальным это слышно, потому что ступеньки скрипят. Внизу располагается общая комната, кухня и помещение, которое американцы называют лечебницей, – это отдельная спальня, смежная с кухней, туда помещают занедуживших членов семьи, чтобы ухаживать за ними. Очевидно, американцы так часто болеют, что им действительно необходима такая комната – и это очень меня беспокоит, особенно если принять во внимание, что стало с Грейс.

Наверху, на втором этаже, располагаются три спальни: большая, ныне вдовья Абигейл прежде делила ее с мужем, средняя – та, которую Адам надеялся разделить с Грейс, и совсем крошечное помещение, предназначавшееся для ребенка, если бы он появился. Пока меня поселили здесь, в этой крошечной «детской». Возможно, это лишь временное обустройство, и таким оно ощущается. Впрочем, я совершенно не представляю, куда еще мне можно переселиться. Хотя места в комнате мало – кроме кровати, уже ничего толком не поставишь, – я не возражаю. Ведь теперь у меня есть отдельная комната, свой уголок, где можно закрыться от всех. Мебель неплохая, правда, как во многих американских домах, где мне довелось побывать, предметы мебели тоже производят впечатление временности, словно их сколотили на скорую руку, чтобы было хоть что-то, пока не появится возможность смастерить что-нибудь более основательное. Садясь на стул, я всегда опасаясь, как бы он подо мной не сломался. Ножки стола все в «занозах», потому что их не обработали должным образом. Мебель в основном делают из клена и ясеня, и я очень скучаю по нашей добротной дубовой мебели, сработанной на века.

Кухня мало отличается от нашей кухни на Ист-стрит: печка, очаг, длинный стол, стулья, сервант для посуды, кладовая для продуктов – здесь ее называют чуланом. Но ощущения в кухне иные, чем на Ист-стрит. У тебя в кладовой, мама, все аккуратно расставлено по местам. Помнишь, как ты меня учила? «У всего должно быть свое место, и все должно быть на своих местах». Абигейл так не умеет. Дрова складывает как попало, и они плохо сохнут; не убирает метлу в уголок, а оставляет ее так, что

она не дает подойти к помойному ведру; не выметает упавшие на пол крошки, и те привлекают мышей; и никогда не расставляет тарелки по одинаковым стопкам. Камин и печи топят дровами, а не углем, поэтому в кухне пахнет древесным дымом, а не земляным духом горящих углей. Нам не приходится убирать угольную пыль, но уборка древесной золы – дело не менее утомительное, и особенно с такой неуклюжей хозяйкой, как Абигейл.

К несчастью, наше с Абигейл знакомство началось не очень удачно. В первый день, когда я только приехала в Фейсуэлл, она приготовила на ужин мясной пирог: мясо было сухим и жестким, а тесто – твердым. Разумеется, я ничего не сказала и постаралась доесть свою порцию, но Абигейл это смутило. А на следующее утро она дала мне на завтрак прокисшее молоко, отчего еще больше сконфузилась. Надеюсь, со временем я помогу ей наладить хозяйство, действуя мягкостью и убеждением.

Я уже выходила в город – хотя «город», наверное, слишком громкое название для ряда домов вдоль разъезженной дороги. Бридпорт, наверное, в сто раз больше. А тут всего десять домов, да еще магазин всячины, кузница, свечная лавка и молитвенный дом. Есть поблизости и фермерские хозяйства. Община включает в себя около полутора десятка семей, большинство перебрались сюда из Северной Каролины – подальше от рабства, укорененного в тамошнем обществе. Я пока не посещала местное собрание, но люди, с какими я встречалась, приветливы и дружелюбны, хотя и поглощены собственными проблемами – как, впрочем, и многие американцы, с кем мне доводилось общаться. Американцы в отличие от англичан не практикуют культуру общения, а говорят все напрямую, и их прямота часто граничит с грубостью. Может, что-нибудь изменится, когда я лучше узнаю людей.

Здесь повсюду леса, а поля и луга разбивают на вырубленных участках. До приезда в Америку я даже не подозревала, как это трудно – освободить землю под пашни среди лесов. В Англии все упорядоченно настолько, что кажется, будто Господь сам назначил всему свое место: тут быть лесам, там – лугам. И поля тоже, кажется, были всегда, и никто их специально не разбивал. А здесь, в Америке, иначе. Из окна моей спальни виден лес, и, когда я смотрю на него, у меня возникает тревожное чувство, будто он подбирается к городу, пилы и топоры если и остановят его, то лишь временно. Ты знаешь, мама, я всегда любила деревья, но тут их так много, что они создают ощущение угрозы.

Выбор товаров в местном магазине невелик. Есть лишь самое необходимое для жизни, а за всем остальным надо ехать в Оберлин, что в трех милях отсюда. Оберлин – довольно большой город с населением в две тысячи человек и со своим колледжем. Я еще не была в Оберлине, хотя там находится лавка Адама, и он сам ездит туда почти каждый день. Со временем, если Фейсуэлл разрастется, Адам хочет перенести лавку сюда и вести торговлю прежде всего с Друзьями, но если это и произойдет, то очень не скоро. Адам сказал, что я могу помогать в лавке в самые оживленные дни. Это будет мне в радость, потому что хочется быть полезной.

По сравнению с Англией местная жизнь кажется не столь надежной. Если чего-то вдруг не было в Бридпорте, его всегда можно было найти в Дорчестере или Уэймуте. В американских селениях и городах, где мне

уже довелось побывать по дороге сюда, и особенно здесь, в Фейсуэлле, люди должны уметь полностью обеспечивать себя, не полагаясь на помощь других. Большинство жителей сами выращивают овощи – так же, как и у нас, – но здесь не пойдешь и не купишь салат-латук, если кролики съели латук у тебя на грядке, как это случилось с Абигейл. Человеку приходится обходиться вообще без салата. Также многие держат коров. У Абигейл с Адамом нет коровы, правда, есть куры. Молоко и сыр мы покупаем на дальней ферме.

Я описала Фейсуэлл очень кратко. У меня нет своего места здесь, но надеюсь, что с Божьей помощью и при поддержке Друзей у меня оно скоро появится. Пока же хочу сообщить, что я благополучно прибыла в Фейсуэлл, и тут обо мне хорошо заботятся. У меня есть и крыша над головой, и пища, и люди, которые ко мне добры. И Бог пребывает со мной. За это я благодарна судьбе, у меня нет причины роптать. И все же я часто думаю о вас. Сейчас лето и жарко, а я все равно застелила кровать подписным одеялом, и каждое утро и каждый вечер я прикасаюсь к именам всех, кто мне дорог.

*Ваша любящая дочь,
Хонор Брайт*

Аппликация

Она не сможет остаться здесь. Хонор поняла это сразу, буквально через полчаса после того, как впервые вошла в дом Адама и Абигейл. И дело не в грязной кухне, где посуда, оставшаяся с обеда, до сих пор громоздилась в раковине, и не в пыли на полу в прихожей, и не в малосъедобном ужине, и не в дымящей печке. Дело не в мышином помете, обнаруженном Хонор в кладовке, и не в клочьях паутины по углам, и не в тесной спальне, где ее поселили, – такой крошечной, что там могла встать только кровать, а дорожный сундук с вещами пришлось поставить в коридоре. Со всем этим Хонор могла бы смириться.

Она не останется тут, потому что Абигейл этого не хочет. Высокая женщина с широким лицом и темными колючими глазами, широкоплечая, с толстыми запястьями и лодыжками, Абигейл обняла Хонор при встрече, но в объятиях не было теплоты. Сконфуженная приготовленным ею невкусным ужином, она выдала целый список оправданий, когда водила Хонор по дому. «Тут осторожнее, на ковре. Его надо прибить, да, Адам?» «Эта лампа обычно не чадит, но ты приехала так неожиданно, я просто с ног сбилась... Вот и не успела подкрутить ее». «Я решила сегодня не мыть полы. Подумала, что ты со своим сундуком все равно нанесешь грязи, и придется снова все мыть». Абигейл умела представить все так, что в ее неумении вести хозяйство виноват кто угодно, только не она сама. Хонор начала чувствовать себя виноватой за то, что вообще здесь появилась.

Ее с детства учили, что в душе любого человека есть доля божественного света, и хотя она может быть разной, каждый должен стараться жить сообразно отпущенному ему свету. Она подумала, что в Абигейл доля света мала, и она не старается соответствовать даже этой малости. Да, Абигейл приходилось несладко в последнее время. Она ухаживала за больным мужем, а потом похоронила его, так что ее мрачность простительна и понятна. Однако Хонор подозревала, что Абигейл вообще была хмурой и неприветливой.

Адам Кокс не пытался защитить Хонор и помочь ей освоиться в новом доме. Он еще глубже ушел в себя и угрюмо молчал, ошеломленный, как поняла Хонор, двойной утратой – смертью брата и невесты. Хотя Адам ухаживал за Грейс в основном в письмах, наверняка он с нетерпением ждал приезда жизнерадостной красавицы жены. А судьба навязала ему тихоню-свояченицу и невестку с тяжелым характером.

Он слегла оживился, когда после ужина они уселись на переднем крыльце, и Абигейл заговорила о решении Хонор приехать в Огайо.

– Адам рассказывал мне о семье Грейс, – сказала она, раскачиваясь в кресле-качалке. Она не взяла с собой рукоделия, для шитья было уже темновато. – Он говорил, ты собиралась замуж. Так почему вместо замужества приехала сюда?

Адам выпрямился на стуле, словно только и ждал, когда Абигейл заведет беседу на эту щекотливую тему.

– Да, Хонор, что у вас произошло с Сэмюэлом? Я думал, у вас все решено.

Хонор поморщилась, хотя знала, что рано или поздно ей пришлось бы ответить на этот вопрос. Она постаралась ответить как можно короче:

– Он встретил другую.

Адам нахмурился:

– Кого?

– Женщину из Эксетера.

– Я сам родом оттуда и знаю почти всех местных Друзей. Кто она?

Хонор тяжело сглотнула.

– Она не из Друзей.

– Что?! – воскликнула Абигейл. – Он женился на ком-то не нашей веры?

– Да.

– Полагаю, бритпортское собрание от него отреклось? – спросил Адам.

– Да. Он уехал жить в Эксетер и примкнул к англиканской церкви.

Это было тяжелее всего. У Хонор почти получилось смириться с мыслью, что Сэмюэл больше не любит ее. Но он по собственной воле отказался от веры, составлявшей основу всей жизни Хонор, – и это стало для нее ударом, от которого она, похоже, не оправится никогда. И смущение в глазах родителей Сэмюэла, когда она с ними встречалась на улице, и всеобщая жалость... Все это было невыносимо. И когда Грейс спросила, не хочет ли Хонор поехать в Америку, та сразу согласилась.

Хонор поймала себя на том, что сидит, сцепив руки в замок и сжимая их крепко-крепко. Она сделала глубокий вдох и попыталась расслабить руки, но костяшки пальцев так и остались белыми. Да, мысли о Сэмюэле давались ей нелегко.

Абигейл покачала головой.

– Ужасно, – произнесла она чуть ли не радостно, но тут же нахмурившись. Видимо, вспомнив, что именно из-за этого прискорбного случая у них и появилась незваная гостья. Она бросила на Хонор такой тяжелый, недобрый взгляд, что та вновь почувствовала себя виноватой.

У себя в спальне Хонор легла в кровать и, хотя ночь была теплой, закуталась в подписное одеяло, ища утешения.

* * *

Позже Хонор призналась себе, что недостаточно тщательно скрывала разочарование своим новым домом, и Абигейл могла принять это за оскорбление. Ощущение всепроникающей неосновательности и небрежности не покидало Хонор не только в доме, но и во всем Фейсуэлле. Когда Адам привез ее из Веллингтона, она подумала, что скопление немногочисленных зданий – просто окраина какого-то более крупного поселения. Но на следующее утро, когда Абигейл повела ее на прогулку, поняла, что ошиблась. Лил дождь, дорога перед домом раскисла и превратилась в грязь, однако Абигейл все-таки вытащила Хонор на улицу. Складывалось впечатление, что она просто боится остаться с Хонор наедине – Адам с утра пораньше уехал в Оберлин. Хонор предложила подождать, пока не закончится дождь, но Абигейл нахмурилась и надела капор.

– Я слышала, в Англии постоянно льют дожди, – сказала она, туго затягивая завязки под подбородком. – Ты должна была к ним привыкнуть. Ты же не собираешься надевать этот свой серый с желтым капор? Для Фейсуэлла он слишком цветистый.

Еще вчера Хонор решила спрятать подаренный Белл капор подальше. Она сомневалась, что появится случай надеть его. Будь на ее месте Грейс, она бы запросто ходила в этом капоре. Даже тут, в Фейсуэлле.

Хонор плелась по грязи следом за Абигейл, переступая с доски на доску, которые положили для пешеходов. Но и их тоже покрывала грязь. Они прошли мимо нескольких домов – таких же, как дом Адама и Абигейл, – но не встретили ни души. В магазине тоже не было никого, кроме хозяина. У него было открытое, честное лицо, и он поприветствовал Хонор с искренним радушием. Сам магазин оказался небольшим, и продавались там самые необходимые продукты питания: мука, тростниковый сахар, кукурузная крупа и патока. Несколько полок отвели под товары для дома: свечи, шнурки для ботинок, стопку писчей бумаги, посудное полотенце и ручную метлу, – будто разносчик, поставлявший товар, убедил хозяина магазина взять по одному экземпляру каждой вещи на случай, если они вдруг кому-нибудь понадобятся.

Оглядывая магазин, Хонор вежливо улыбалась и старалась скрыть свои мысли: бочки с продуктами и полки со скудным ассортиментом обозначали границы ее новой жизни. Металлическое ведро, набор швейных игл, банка с карболовой кислотой – кроме этих печальных вещей, таких одиноких на полупустых полках, в Фейсуэлле не было ничего. Никаких соблазнительных сластей и красивых тканей, никаких других магазинов на чистой, а не затопленной грязью улице, никакой зеленовато-голубой краски на досках пола. Адам не врал Грейс в своих письмах, но, как оказалось, явно приукрашивал фейсуэллскую действительность. «Город совсем небольшой, но он быстро растет, – писал Адам Кокс. – Уверен, его ждет процветание». Наверное, надо более критически относиться к словам Адама, когда тот говорит о будущем.

Они вернулись домой, и Хонор принялась помогать Абигейл по хозяйству: вымыла посуду, отскребла кастрюли и сковородки, встряса овальные тряпичные коврики, разбросанные по всему дому, принесла дров про запас, вычистила из печки золу и высыпала ее в отхожую яму – в уборной, располагавшейся во дворе. Перед тем как браться за очередную работу, Хонор справлялась у Абигейл, что и как нужно делать, чтобы не обидеть хозяйку дома. Если сделать что-то по-своему, Абигейл решит, будто ей указывают на то, что она никудышная хозяйка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.